

ПОЛНОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ ДАРВИНИЗМА

Дарвинизм. Критическое исследование Н.Я. Данилевского. Т. I, часть I, с 7 таблицами рисунков и чертежей. Стр. 516. Т. I, часть II с 15 приложениями. Стран. 530+148. СПб. 1885.

I.

Прежде чем говорить об этой книге, необходимо дать некоторое понятие об её авторе. Её писал человек имеющий право на большой авторитет, на то чтоб его внимательно слушали и читали, а между тем почти неизвестный читателям. Хотя наша публика вообще очень дурно знает наших деятелей и то что сделано и делается в России, но неизвестность автора *«Дарвинизма»* далеко превосходит и эту всегдашнюю меру равнодушия и невнимания. Можно сказать¹ что недавно умершего Николая Яковлевича *никто не знает*. В противоположность тому, как о людях известных говорится: *кто его не знает? его всякий знает*. В этом смысле мы скажем совершенно правильно что, например, все знают нашего известного романиста Григория Петровича Данилевского, и что никто не знает его однофамильца Николая Яковлевича Данилевского.

Так как тут ваши личные чувства связаны и совпадают с общим делом, то мы позволим себе изложить его в этой связи. Редко кого так горько оплакивают, как оплакивали неожиданную смерть Николая Яковлевича все его близкие и близко его знавшие; но к этому горю для иных потом прибавилась ещё новая печаль, — очень слабое, почти незаметное впечатление которое произвела на других эта потеря. При его жизни, нам казалось, он горел как яркая звезда высоко над нами; а между тем, когда эта звезда потухла, никто из посторонних этого не заметил.

Известие пришло в Петербург в самый день смерти (7 ноября 1885 года). Ближайший друг покойного, Николай Петрович Семёнов, которому посвящена и самая книга о дарвинизме, поражённый и взволнованный, заболел и слег в постель с того же дня; таким образом на мне лежала обязанность послать некролог в газеты. Трудно было, подавляя тоску, сдерживать свои выражения и подбирать слова приличные для большой

¹ Сохранена пунктуация автора (ред.).

публики; но, к немалому моему удивлению, потом оказалось что мой тон, как старательно ни был он заглушаем, все ещё был чрезвычайно высок для наших читателей и ваших публицистов.

В самом начале некролога у меня было написано что умер «один из самых замечательных людей в России». На другой день оказалось что эти слова вычеркнуты; газета не напечатала даже такой общей и глухой оценки, очевидно не доверяя моим словам и не имея какой-нибудь возможности их проверить. Пользуюсь теперь случаем протестовать против такого недоверия и настаивать на своём. Напрасно газета предполагала что я сообщаю ей ложное, или сомнительное сведение. Покойный был действительно вполне исключительным явлением по своим силам и своей деятельности. Наш известный историк, К.Н. Бестужев-Рюмин, в заметке напечатанной (недели через три после моего некролога) в *«Известиях Славянского Общества»*, назвал Николая Яковлевича прямо «человеком гениальным» и пророчил что «имя его и мысли будут жить, пока живёт Русский народ»². Высокая оценка! Но её нельзя не принять во внимание. так ценить Н.Я. Данилевского многие люди, очень чуткие ко всякому умственному и нравственному достоинству, питающие благодарность ко всему что даёт пищу их душе; покойника, успевшего вызвать такие похвалы, конечно можно было без особенной дерзости назвать одним из самых замечательных людей в России.

Отзыв К.Н. Бестужева относится больше всего к политико-историческим трудам Николая Яковлевича, например, к его книге *«Россия и Европа»*. Здесь не место говорить об этой книге, и мы хотим только указать на то что она вообще по многому что в ней излагается имеет перворазрядный авторитет у всех, кто держится так называемых славянофильских мнений. Эта книга — целая система всемирной истории и целый кодекс положений о значении России и её отношениях к Славянам. Уже по этой книге все должны бы знать Н.Я. Данилевского. Но тот грустный и тяжёлый ход вещей по которому внимание наших умов и сердец постоянно отвлекается от нашей внутренней, умственной и нравственной жизни, постоянно поглощено чуждыми нам явлениями и внешними заботами, весь этот обыкновенный ход дела дал себя почувствовать и в настоящем случае. В некрологе у меня было сказано о Николае Яковлевиче: «В литературе он имел громкое имя». Газета вычеркнула *громкое имя* и поставили просто *имя*. На этот раз мне следует прямо сознаться в ошибке и признать что поправка сделана совершенно основательно. Если бы писать не в тоне лицемерного приличия, который мы обыкновенно

² Изв. С.-Петербургск. Слав. Благотв. Общества, 1885, стр. 457.

употребляем, а просто и без задних мыслей, то не только нужно было бы вычеркнуть слово *громкое*, а даже газета должна была бы сказать: «умер человек о котором мы не имеем никакого понятия, да и вы, читатели, вероятно ничего не знаете, едва ли слышали его имя и никак не сумеете отличить его от множества его однофамильцев».

Но если в этом газета была права, хотя и к огорчению знавших покойного, то есть ещё пункт, и самый важный, в котором она огорчила их уже понапрасну и была совершенно неправа сама. В некрологе говорилось о служебной деятельности покойного и в начале было сказано вообще: «труды его на поприще службы были чрезвычайно велики и важны». Газета вычеркнула эти слова, очевидно опять предполагая что ей сообщается ложное, преувеличенное сведение. Эта подозрительность имеет до такой степени печальный смысл что ею даже нельзя обижаться. Мы так привыкли ко лжи, так усердно сами практикуем её во всяких видах и случаях что очень лежко предполагаем её и в других; некрологи, как известно, есть один из самых лживых родов литературных произведений, где даётся полный простор преувеличению и замалчиванию. Вот отчего газета так мало церемонилась и с доставленным мною некрологом. Ей не могло и на ум прийти что речь тут идёт о человеке для которого нет надобности ни в каком умалчивании и которого можно громко хвалить ничего не преувеличивая. таков он был действительно! Но ведь это редкость, существование которой на свете не все даже и верят. Итак, дело с этой стороны понятное и извинительное.

Но беда в том что, вычёркивая слова о *великих и важных трудах* Н.Я. Данилевского, газета отказалась поместить у себя не только совершенно верное сведение, но и такое о котором следовало бы и всякой газете, и даже всякому серьёзному читателю, иметь хоть приблизительное понятие. Дело идёт о внутреннем хозяйстве России, о пользовании естественными богатствами нашего государства. Предмет этот очень далёк от мыслей образованных русских людей, не имеет пикантности, свойственной политическим новостям, французским романам и даже общим рассуждениям о благе человечества; но предмет очень существенный и важный.

Имя Н.Я. Данилевского неразрывно связано с двумя вопросами государственного хозяйства: с рыболовными промыслами и с борьбой против филлоксеры; он был главным деятелем в том и в другом деле.

Рыболовство в России имеет такие размеры каких не имеет ни в какой стране мира (в Европейской России рыбы ловится на двадцать миллионов рублей в год). Это зависит от двух особенных обстоятельств в хозяйстве самой

природы. Во-первых, никакие морские рыбы, кроме сельдей, не способны плодиться в таком огромном количестве, следовательно, и не могут доставлять ежегодно такого большого улова как рыбы пресноводные. Во-вторых, нигде в мире для размножения речных рыб нет такого простора и удобства как в России. Именно, только у нас некоторые из самых больших рек впадают во внутренние моря, например Каспийское, Азовское. Эти моря, лежащие притом в тёплом климате, принимают в себя столько пресной воды что теряют часть своей солёности и, на значительное протяжение от устьев рек, становятся удобными для житья речных рыб. Вот факты которые должны быть занесены в каждый учебник географии и которыми объясняется, почему Россия превосходить все страны мира изобилием такой прекрасной пищи как рыба.

Но этот промысел требует знания и правильного ведения дела. Для того чтобы рыба плодилась совершенно свободно, нужно чтобы ловля не нарушала обстоятельств благоприятных для этого размножения, следовательно, чтобы производилась только в известное время и известными способами. Нужно, значит, исследовать образ жизни рыб и местные условия вод в которых они живут и, сообразно с этим, составить необходимые правила для рыболовства, которые охраняли бы его от хищнической жадности промышленников, не думающих о будущем. Эту задачу взяло на себя правительство, и в 1853 году была снаряжена первая учёная экспедиция с этою целью, под начальством великого учёного, К.Э. фон-Бэра; к ней был причислен и Н.Я. Данилевский и скоро, в силу своих познаний и способностей, стал главным сотрудником её начальника. Следующие экспедиции этого рода уже все происходили под начальством Николая Яковлевича, и последняя из них была та во время которой он умер. Если считать и некоторые другие поручения, то таких поездок он совершил в своей жизни до десяти; иные из них продолжались по несколько лет и хотя совершались в пределах Европейской России, но представляли часто все неудобства и опасности путешествий по диким и малонаселённым местам. таким образом он исследовал все реки, моря и озера этой части России, и написал для рыболовства в них законы, которые действуют или по крайней мере должны действовать в настоящее время. Это был и труд учёного, и труд практика, администратора. Смело можно утверждать что и в том и в другом отношении это труд классический, то есть достойный изучения и подражания. Что Николай Яковлевич был отличный учёный, лежо видеть из его сочинений; сверх того, он в высокой степени обладал умом практика, редко, как известно, соединяющимся с учёностью. С необыкновенною ясностию он умел видеть

игру всяких сложных обстоятельств, и меры им предлагаемые прямо шли к цели и никак не могли миновать её. Блестящие образчики этого практического ума можно видеть в его политических и политико-экономических статьях и планах и тот же ум руководил его в составлении правил для рыболовства.

Десятки лет он занимался этим делом, и в кругу знакомых часто его так и называли «рыбным законодателем». Позволим себе рассказать здесь маленький анекдот, хорошо рисующий смысл этого названия. Около 1870 года, в небольшом обществе, пожилая дама, недавно приехавшая с Волги в Петербург, начала к слову рассказывать что стерлядь, которая прежде становилась всё реже и реже, стала опять лучше водиться и подениевела. Николай Яковлевич слушал с интересом, и хотя он всегда был чрезвычайно скромн, на этот раз похвалился и весело заметил: «Если стерлядь больше ловится, то, знаете ли? ведь этим вы мне обязаны». Почтенная дама, не имевшая, конечно, никакого понятия ни о рыболовстве, ни о Николае Яковлевиче, была ужасно изумлена и посмотрела на него с таким недоверием, как будто он выдавал себя за неслыханного волшебника.

Другое служебное дело в силу которого имя его должно бы иметь большую известность, есть борьба с филлоксерой. Не многие из тех кто каждый день пьёт вино имеют понятие и об этом насекомом, и о размерах вреда который оно нанесло и наносит. Бедствие действительно невероятное, не вдруг могущее втиснуться в голову. Европейские виноградники отчасти погибли, отчасти гибнут неудержимо и повсеместно. Разумеется, торговля скрывала и скрывает эту беду от потребителей, постоянно предлагая им поддельные вина под старыми названиями. Но это не поможет делу, и рано или поздно Европе может быть придётся признать что она пьёт не свои вина, а привозные из дальних мест, куда ещё не проникла филлоксера; ведь и мы теперь уже не стыдимся пить крымское вино вместо иностранного. Покамest против филлоксеры найдено лишь одно средство — карантин, удаление от заразы. И вот Николай Яковлевич прежде всего настоял на том чтобы запрещён был ввоз винограда из заражённых мест. Когда же это запрещение было нарушено, и филлоксера проникла в Крым, он употребил все усилия чтобы добиться уничтожения заражённых виноградников. В числе уничтоженных виноградников были и его собственные, хотя чуть тронутые заразой; мне довелось его видеть вскоре после того (1881), и я невольно изумился глядя на него: его виноделие было уничтожено, имение не могло давать никакого дохода, остался, напротив, долг, сделанный для расширения виноградников; между тем хозяин говорил об этом с радостным лицом как о важной победе. Он сиял и торжествовал, он думал что уничтожил филлоксеру.

До сих пор, однако же, зараза, хоть и в самых малых размерах, держится в Крыму. Не место и долго рассказывать, почему так вышло; скажем только что ни в каком случае не по вине Николая Яковлевича. Ему, напротив, обязаны пять тысяч десятин крымских виноградников тем что до сих пор осенью красуются своими полными гроздьями, и что филлоксеры известна тамошним виноделам всё ещё только по слуху.

II. **Беспристрастие.**

Н.Я. Данилевский умер на шестьдесят третьем году, и две большие части его «*Дарвинизма*» вышли чрез несколько дней после его смерти. Таким образом его книгу можно назвать *плодом целой жизни*, потому что автор всю свою зрелую жизнь³ ревностно изучал организмы и лишь под конец приложил это огромное изучение к разбору Дарвиновой теории. Знание животных и растений было главным знанием Николая Яковлевича, и он занимался этим предметом с удивительным постоянством и любовью. Это был ум спокойный, ясный и непрерывно деятельный. В своих далёких и частых поездках, он не только изучал животных, составлявших предмет промысла, но делал тысячи наблюдений над всякого рода явлениями природы, а в свободные часы читал сочинения натуралистов. В шалаше рыбака, или в убогой избе, где-нибудь в тех местах где нет ни дорог, ни проезжих, а бывают одни рыболовы, можно было найти Н.Я. Данилевского спокойно и с живым любопытством погружённого в учёную книгу. В 1867 году ему довелось купить на Южном Берегу имение с большим запущенным садом, и тут он отдался с увлечением своей любви к растениям, отдался не простому, а глубоко учёному любительству. Под конец жизни служебные дела не только не отрывали, как прежде, а даже связывали его с Крымом, так что сад Мшатки восемнадцать лет был местом разнообразных опытов и наблюдений своего хозяина который сам ходил за растениями и любовался их жизнью и с учёною любознательностью, и с эстетическим наслаждением.

Вот какого рода были познания Николая Яковлевича в науке об организмах. Это не было ознакомление с ними по книгам, по гербариям и чучелам, приобретаемое в кабинете; это было изучение живой природы во всей полноте её жизни, многолетнее, близкое знакомство со всею игрой органических явлений; это было точное знание соединённое с тем пониманием которое даётся лишь любовью и непосредственными

³ По выходе из Лицея (1843), он поступил на естественный факультет С.-Петербургского университета, лотом держал экзамен на степень магистра ботаники и представил диссертацию, но, по стечению обстоятельств, не защищал её.

впечатлениями. Множество мест книги о которой мы говорим отзываются особенным характером познаний её автора. Он не может говорить сухо и равнодушно о произведениях природы, и часто рассказывает новые факты из своих долгих и обширных наблюдений.

Спокойный и ясный ум Николая Яковлевича был готов, по-видимому, без конца поглощать познания, лишь отчеканивая их в свою отчётливую форму. Но явился случай, когда это самое стремление к отчётливой ясности поставило его в большое затруднение и привело к тому *критическому исследованию* которое лежит пред нами. В естественных науках неожиданно выступило и получило величайший успех учение резко противоречащее давно обдуманному и точно установленным понятиям Данилевского. Ничего не может быть характеристичнее тех отношений в которые он с самого начала стал к дарвинизму. Он сравнивает это со случаем так называемой *математической пешки*.

«Я помню», рассказывает он, «как раз мне доказывали что в треугольнике может быть два прямых угла, и это безо всякой помощи четвёртого измерения, — всё дело происходило в нашем обыкновенном евклидовом пространстве. Сначала я не заметил в чём заключалась штука или фортель. Что же бы я мог в таком положении делать? Доказывать теорему обыкновенным путём, как она изложена в каждом учебнике? На это мой противник имел бы право отвечать: «очень хорошо, я с вами вовсе не спорю; «очень может быть что ваше доказательство верно, но верным остаётся и моё, пока вы не сможете его опровергнуть; а если верны оба, то я доказал гораздо больше нежели сначала предполагал. Я было думал убедить вас в неосновательности одной из теорем принятых за несомненные, то есть одной из ваших аксиом, а теперь выходит что я опроверг самую правильность и бесомнительность логического процесса вообще. Какая же остаётся логика после того как вы принуждены сознаться что могут совместно существовать две истины, взаимно исключаящие одна другую?» (Ч. I, стр. 20, 21.)

Вот ясное рассуждение до которого не все могут подняться, а главное, которого держаться с полною твёрдостью могут лишь очень немногие. Это настоящий приём мыслителя, чистейшая форма того скептицизма который бывает необходим для точного научного исследования.

После этого читателю будет понятен следующий рассказ автора:

«Когда появилось Дарвиново учение, столь победоносно и триумфально пронёсшееся над умственным миром и не менее победоносно и триумфально над ним утвердившееся, я находился в местах весьма отдалённых, хотя по

установившейся у нас юридической номенклатуре, они к таковым и не причисляются: на пустынных островах и на берегах Белого Моря, на Печоре и Мурманском берегу. Хотя *далеко не столь важные по своим последствиям*, но более громкие и быстро разносящиеся по миру вести о покорении Шамиля, о начатой и оконченной Франко-Итальянской войне, столь же мало доходили до этих мест как и Дарвиново учение. Познакомился я с ним в первый раз в Норвегии⁴, из статьи в «*Revue des Deux Mondes*». Это было с лишком двадцать лет тому назад, и с тех пор я могу сказать что мысль о нём меня уже не покидала. При открывшейся возможности, я ознакомился с оригинальными сочинениями самого Дарвина и с главнейшими сделанными против него возражениями. К этому учению приковывала меня именно та, казавшаяся мне в начале не разрешимой, дилемма о которой я только что говорил. С одной стороны, невозможно чтобы масса случайностей, не соображённых между собою, могла произвести порядок, гармонию и удивительнейшую целесообразность; с другой — талантливый учёный, вооружённый всеми данными науки и обширного личного опыта, ясным и очевидным образом показывает вам как просто, однако же, это могло сделаться. В *течение нескольких лет* я находился в том самом положении в каком был в течение нескольких минут когда мне предложили пешку о двух прямых углах в одном и том же треугольнике. *Только после долгого изучения и ещё более долгого размышления увидел я первый выход из этой дилеммы, и это было для меня большою радостью.* Затем открылось таких выходов множество, так что всё здание теории изрешетилось, а наконец и развалилось в моих глазах в бессвязную кучу мусора» (стр. 22, 23).

Из этого рассказа прекрасно видны две черты объясняющие нам характер и содержание всей книги. Во-первых, здесь описано то что составляет самую сущность беспристрастия. Большинство учёных конечно люди добросовестные, не желающие лукавить в своих суждениях. Но много ли есть таких которые не хватаются прежде всего за результат, так что не доводы их убеждают в результате, а наоборот самый результата придаёт убедительность доводам? Когда мы не допускаем и мысли о возможности ошибиться в решении, мы становимся небрежными к нашим противникам, мы торопимся к заключению и от нас, совершенно независимо от нашей воли, ускользает сила их доводов; мы не можем довольно глубоко ими заинтересоваться. Поэтому для беспристрастия требуется очень трудное условие: нужно приостановить своё решение, воздержаться от заключения, то есть подняться

⁴ Зимой 1860-61 года, Николай Яковлевич, оканчивая свою *вторую* экспедицию, начатую в 1858 году, был в Норвегии чтобы познакомиться с тамошним рыболовством. Знаменитая книга Дарвина вышла летом 1859 года.

в область безразличного, не предубеждённого суждения, в область чистой науки. Только тогда мы будем в состоянии точно проверить и основания наших собственных мнений, и доводы нашего противника, и этот противник будет у нас судим с тем же вниманием как и самый дорогой наш сторонник.

Рассказ Н.Я. Данилевского указывает нам вместе и на правильное отношение к авторитетам. В отношении к авторитетам у нас не должно быть ни лежомысленного отрицания, ни слепого подчинения. Крупный авторитет есть именно случай который вызывает наш ум к труду, к строгой проверке и чужого, и своего.

Итак, первая черта нашего автора есть истинно научное беспристрастие. Вся его книга, действительно, неотразимо убеждает в этом внимательного читателя.

Во-вторых, мы ясно видим на какую почву становится автор для спора с Дарвином. Он не ищет никакой опоры которая могла бы стоять выше естественных наук; он не думает вносить в спор понятия взятые извне, из какой бы то ни было другой области. Всё дело должно быть решено теми приёмами и основаниями которые имеют силу в естествознании, совершенно так как это делается и у Дарвина. Правда, автор входит (преимущественно в начале и в конце) и в общие философские соображения; но всё это, говоря его собственным выражением, есть только *надстройка*, ясно отличающаяся от главного здания книги. Таким образом исследование Н.Я. Данилевского есть труд в строгом смысле научный, естественно-исторический, опирающийся, как у всех натуралистов, на твёрдом признании что их наука вполне самостоятельна, что она имеет так сказать верховную власть в делах ей подлежащих.

Повторим ещё раз что автор сдержал своё слово; при его настроении ему не трудно было в этой огромной массе фактов и рассуждений постоянно оставаться и вполне беспристрастным, и вполне натуралистом.

III. Схема теории и её критики.

Если бы мы предположили только изложить содержание этой книги, то задача наша была бы очень лежа. Ход мыслей в целом сочинении совершенно правильный, отчётливо логический; разделение на части и порядок частей

имеют полную строгость и ясность; наконец, сам автор, по мере хода исследования, делает краткие обзоры всего изложенного, так что стоило бы только выписать эти обзоры и окончательные выводы чтобы получить полный очерк всего сочинения. Автор сделал всё что можно для того чтобы руководить читателя и не дать ему сбиться в сторону или запутаться на середине дороги. Кто вполне познакомится с этой книгой, тот найдёт в ней такую удивительную стройность и ясность какая встречается в очень и очень немногих книгах, и какой мы не можем признать, например, за Дарвином.

С нашей стороны поэтому лучше будет, если мы будем делать лишь общие замечания, останавливаясь лишь на известных пунктах и на общих точках зрения.

Логический порядок книги следующий:

После введения делается точное изложение теории Дарвина и точное определение её *оснований*, то есть тех фактов которые она признаёт существующими в природе и на которых строит всё своё здание (ч. I, гл. I и II, стр. 47—196).

Затем начинается опровержение теории и сначала идёт прямое опровержение, а потом косвенное. Чтоб яснее видеть этот порядок, приведём здесь тот конспект Дарвинова учения, который сам Н.Я. Данилевский сделал для устранения всякой сбивчивости в суждениях о составе этого учения.

Факты которые признаёт или старается доказать теория суть следующие:

«А) У домашних животных и растений.

1) От каких бы то ни было причин появляющиеся, различные по направлению и силе, *изменения*, между прочим и такие которые в *несколько большей степени соответствуют потребностям и вкусам человека*.

2) Передача этих изменений с большею или меньшею полнотою детям и вообще потомкам *наследственностью*.

«3) Подмечание этих полезных для человека и потомственно передающихся изменений и более или менее строгое отделение таким образом изменённых неделимых, с целью более или менее исключительного допущения их к размножению породы, то есть *искусственный подбор*. И как *результат* всего этого:

4) *Переживание пригоднейших* для человека индивидуумов, постепенно образующих определённые расы накоплением подобранных признаков, при уменьшении числа и, наконец, вымирании тех которые не были подобраны.

В) Для диких животных и растений в их природном состоянии мы также точно имеем:

«1) Различные, по направлению и силе, изменения существующих форм и между ними от времени *до времени* появляющиеся изменения *полезные для самого существа* по отношению к органическим и неорганическим условиям его существования.

2) Передачу этих изменений *наследственностью*.

3) *Борьбу за существование*, при которой неизменённые, или в невыгодном отношении изменённые индивидуумы гибнут в большем числе чем изменённые в благоприятном смысле. И как *результат* всего этого:

4) Переживание приспособленнейших» (ч. I, стр. 145, 146)».

Эту схему, совершенно точную, нужно постоянно помнить и иметь в виду при суждениях об учении Дарвина и при чтении книги Н.Я. Данилевского. Нужно строго различать то что относится к домашним организмам от того что относится к диким. В каждой из этих двух областей действуют три необходимые фактора: *изменчивость, наследственность и подбор* (в одной области искусственный, в другой естественный); совокупное действие их составляет причину того результата, объяснения которого ищет теория. В области природы, по теории Дарвина, этот результат есть *переживание приспособленнейших*, то есть существование всех тех удивительных приспособлений организмов к окружающему миру и между собою которые в таком изобилии открываются нам наблюдениями; так что Дарвин и думал что он успел вывести и объяснить всю эту целесообразность из её настоящих причин.

Теперь можно ясно видеть в чём состоит *прямое* опровержение теории Дарвина. Одно за другим разбираются основные её положения, причём лишь принят другой порядок, как более удобный для изложения. Прежде всего доказывается что размеры *изменчивости* домашних животных и культурных растений нельзя прямо распространять на все организмы (гл. III). Потом что никакие известные факты и никакие заключения из известных фактов не показывают чтобы в естественном состоянии изменения организмов когда-нибудь переходили границу вида (гл. IV) и что точно так же наиболее значительные из известных нам изменений, изменения домашних животных

и культурных растений не переходят этой границы (гл. V). Далее доказывається что *искусственный подбор* отнюдь не может считаться главною причиною различий в породах домашних животных и культурных растений (гл. VI) и что ни *наследственность*, ни *борьба за существование* не могут иметь тех свойств которые им приписываются в теории Дарвина (гл. VII). Наконец, весь этот ряд доводов заключается самым решительным и важным, а именно доказательством что *естественного подбора* вовсе не существует и не может существовать. Естественный подбор, по учению Дарвина, Уоллеса и их последователей, производится *борьбой за существование*, так что в естественном состоянии организмов борьба за существование составляет третий необходимый фактор приспособительного изменения, соответствующий в домашнем состоянии искусственному подбору. Н.Я. Данилевский доказывает что в природе этот фактор вовсе не действует как подбор, и потому, конечно, объяснять из него ничего нельзя (гл. VIII и IX).

Затем следует *косвенное* опровержение теории, приведение её к нелепости по тем следствиям которые из неё вытекают. Тут показывается что в существенных своих чертах действительный органический мир вовсе не таков каков он был бы если бы различия и приспособления организмов возникли так как предполагает Дарвин. Действительность положительными фактами противоречит выводам из теории (гл. X и XI). Но кроме того ей противоречит и *отсутствие* таких фактов которые по теории должны бы существовать, отсутствие следов предполагаемого процесса. Нет переходных форм ни в живой природе, ни в остатках геологических эпох (гл. XII). Есть факты вымирания организмов, но из них нет ни одного согласного с теорией; есть много времени для перехода одних органических форм в другие, но всех геологических эпох далеко не достаточно для происхождения организмов по Дарвинову процессу (гл. XIII).

Критика кончена, и автор заключает её обзором логических ошибок Дарвина и общою оценкой его теории с естественно-исторической и с философской точки зрения (гл. XIV).

Зная состав книги мы можем почти по произволу начинать чтение с той главы, предмет которой привлечёт наше внимание. Всё исследование распределено по отдельным пунктам теории, которые разбираются каждый от основания, от самого корня, и которые почти одинаково важны для общей цели. Благодаря твёрдой и отчётливой логической постановке всего дела, мы ясно видим что ниспровержение каждого из этих пунктов есть и ниспровержение всей теории. Если существование различий и

целесообразных строений в органических существах есть следствие совокупного действия трёх факторов, то доказательство того что один из этих факторов не существует или действует вовсе не так как того требует теория, есть и полное опровержение теории. Если то что происходит в области домашних животных и культурных растений не может быть в том или другом пункте перенесено на область природы, свободную от действий человека, то опять теория распадается. Если наконец ясное следствие выводимое из теории резко противоречит действительности, то и это вполне опровергает теорию. такова сила логики, и нет сомнения что если бы Дарвин формулировал свою теорию с такою же логическою стройностию какую Данилевский придал своему опровержению, то едва ли бы сам так увлёкся и так увлёк других своими предположениями.

Читая эту книгу, мы найдём таким образом что в ней Дарвин опровергнут не один раз, а десять раз к ряду. такое свойство книги лежало может не понравиться тем кто станет искать в ней лишь одного определённого результата. Если читатель желает лишь знать, верна или нет теория Дарвина, точно ли Дарвин успел объяснить как человек произошёл от обезьяновидного животного, то для такого читателя покажется скучным вникать всё в новые и новые опровержения того что давно опровергнуто. Но автор совершенно иначе понимал своё дело. Он с любовью и вниманием останавливался на каждом пункте, потому что в каждом находил своеобразный интерес. Интересно и то как сложились и повихнулись понятия Дарвина, учёного имеющего такой громадный авторитет; но ещё интереснее, и конечно одно истинно важно: как дело происходит в самой природе, какой действительный процесс и действительный порядок соответствует неверным понятиям теории. Каждое из этих понятий превращалось для автора в вопрос с которым он обращался к действительному миру, к строгой науке, и он усердно и осторожно отыскивал ответы и изложил их в своей книге. Эта положительная сторона исследования, конечно, есть и самая драгоценная.

IV. Псевдоэволюция и псевдотелеология.

Но мы должны сперва остановиться на чисто логической стороне этой критики. Прежде всяких вопросов относящихся к природе Н.Я. Данилевский поставил себе особою задачей изучить и изложить самую теорию Дарвина, анализировать её в её точном смысле, в полном её составе (этому посвящены две первые главы *«Дарвинизма»*). Он сделал это с такою же точностию и

старательностью как натуралист исследует какой-нибудь организм. Он анатомировал теорию, рассёк её на составные части, определил и свойство каждой части, и их взаимное отношение. Мало того, он, по правилу натуралистов, обозначил особыми терминами те черты которые нашёл при своём анализе и которые ещё не имели названия.

Что же из этого вышло? Когда таким образом скелет теории был обнажён и определены были все её мускулы, оказалось что подобное существо не может стоять и двигаться, что оно далеко не соответствует неизбежным механическим требованиям.

Прежде всего нужно помнить что теория Дарвина не основана на понятии *развития*, а напротив стремится обойтись без этого понятия, вовсе исключить его из вопроса. Н.Я. Данилевский говорит об этом так:

«Из несомненных свойств теории оказывается что напрасно причисляют её к теориям развития, теориям эволюционным. Под развитием разумеется ряд изменений, необходимо одно из другого вытекающих как бы в силу определённого, постоянного закона, хотя бы в сущности мы этой необходимости и не понимали, как на деле действительно почти никогда и не понимаем, а заключаем о ней лишь из постоянства повторения ряда. так развивается бабочка из куколки, куколка из гусеницы, и вообще всякий органический индивидуум из зародыша. Но *ничего подобного* у Дарвина нет. У него, вместо развития по некоторому закону, накопление *случайных* мелких изменений под влиянием не внутренней, а *внешней* причины, отвергающей одни изменения и принимающей другие». (Ч. I, стр. 194,195.)

Кто говорит *развитие*, тот предполагает некоторый *принцип* (закон, правило, норму), следуя которому и совершается развитие; сверх того, предполагает что это принцип *внутренний*, содержащийся в самих развивающихся существах. Вся сила и сущность теории Дарвина заключается в отрицании всякой надобности такого принципа и в доказательстве что изменения организмов совершаются *безо всякой нормы* (случайно), и что если из бесчисленных возможных форм только некоторые определённые существуют в действительности, то это зависит не от внутреннего свойства организмов, а от выбора который происходит совершенно от них независимо.

Главная ошибка которую не то что часто, а почти постоянно делают всякого рода и почитатели и противники Дарвина, есть именно смешение его теории с учением о развитии, тогда как всё то что свидетельствует в каком бы то ни было отношении и размере о существовании развития, то есть об

определённых и самостоятельных изменениях организмов, есть, напротив, самое главное и решительное опровержение этой теории, и даже ничем другим она не может быть вполне опровергнута.

Далее, для суждения о Дарвине, нужно составить себе ясное понятие о той *внешней* (для организмов) *причине* которая определяет существование тех, а не других форм в природе, составляет как бы решето дающее проходить на поприще жизни только существам известной величины и формы. Это решето есть *польза*, то есть такое строение организма которое выгодно для него и в отношении ко внешним условиям и в отношении к другим организмам. Дарвин признаёт как совершенно твёрдую и непреложную истину что организмы вообще превосходно *приспособлены*, как ко внешней природе, так и между собою, то- есть во всём органическом мире он видит то что мы обыкновенно называем *целесообразностью* (внешнею и внутреннею), и считает эту целесообразность даже совершенно строгою. Но обыкновенно это приспособление, эту целесообразность принимают за признак и доказательство что организмы были устроены *преднамеренно*, что в их происхождении участвовала некоторая разумная сила. Дарвин же из этой самой целесообразности стал выводить что, напротив, именно тут и нет нужды ни в какой разумности. Он рассуждал так: если известное устройство организмов *необходимо* для их существования, то этим самым исключается из органического царства всё неприспособленное, нецелесообразное. Следовательно, можно сказать: не потому организмы получили определённое устройство что предназначены жить в определённых обстоятельствах и взаимных отношениях, а наоборот, потому только они и живут в этих обстоятельствах и отношениях что имеют такое подходящее к ним устройство. Факт приспособления оказывается поэтому обоюдоострым, допускающим объяснение и в ту и в другую сторону. В самом деле, можно предложить совершенно случайное, не требующее никакой разумности, не следующее никакой норме, появление органических форм; из них, в силу необходимости приспособления, должны остаться налицо лишь те которые устроены вполне целесообразно.

Нужно постоянно иметь в виду что, в силу этого, *приспособление* есть главная точка зрения Дарвина, тот принцип из которого он объясняет всякого рода свойства и различия организмов. В каждой черте их он ищет чем она может, или могла, дать животному или растению, какое-нибудь удобство в отношении ко внешней природе или преимущество в отношении к другим животным и растениям. Дарвинизм, таким образом, есть целая система *телеологии*, но только не в том смысле который прямо принадлежит этому

слову; поэтому, Н.Я. Данилевский очень метко и справедливо называет взгляд Дарвина *псевдотелеологией* (ч. I, стр. 45). Точно так же для точности и удобства выражения он самое начало *приспособления*, в той роли которую оно играет в Дарвиновой теории, называет *критическим принципом* в противоположность какому бы то ни было рода *творческому* принципам. В самом деле, по Дарвину, нет в организмах никакого строения которое правильно вытекало бы из некоторого начала как из своей причины, следовательно было бы определённым его произведением, его созданием; напротив, весь порядок возникает из беспорядка; именно, случайно появляются всевозможные формы, но подвергаются неумолимой *критике*, условий существования, которая уничтожает всё к ним неприноровлённое и оставляет жить лишь то что хорошо к ним приходится. В этом состоит главная сущность, самая задача теории, и потому Н.Я. Данилевский выражает это её свойство такою формулой:

«Отсутствие творческого начала и замена его исключительно началом критическим» (ч. I, стр. 189).

Теперь мы видим какие факты представляют непереносимое противоречие учению Дарвина. Всё то что свидетельствует о существовании *развития*, то есть некоторой нормы в изменениях организмов, уже подрывает дарвинизм. Точно так же всё что несогласно со *псевдотелеологией*, что противоречит понятию строгого и принудительного приспособления организмов к условиям их жизни, всё это уже ведёт к опровержению дарвинизма.

V. Анализ теории.

В сущности, явления противоречащие учению Дарвина встречаются в природе на каждом шагу, известны во множестве и натуралистам, и профанам по ежедневному наблюдению. Но чтобы видеть их значение, их противоречие теории, нужно хорошо знать самую теорию, точно понимать все её требования. Увлечение дарвинизмом, главным образом, основывается на смешении понятий, на неправильном понимании этого учения, так что ему приписывается то что прямо ему противоречит и в подтверждение его приводятся те самые факты которые в действительности его опровергают. В такую непоследовательность впадает часто и сам Дарвин, а его противники и последователи почти постоянно. Дело дошло до того что изо всех натуралистов писавших о Дарвине, нет ни одного кого Н.Я. Данилевский не

уличил бы в той или другой ошибке по части строгого понимания теории. Наиболее последовательным и почти безупречным оказался не Геккель или Виганд, а наш профессор Тимирязев, который, будучи приверженцем теории, действительно знает что он исповедует.

Итак, вникнуть в теорию необходимо; нужно точно определить себе какой смысл и какое свойство имеют все её элементы. В III главк Н.Я. Данилевский делает это точное определение, ставит точки на *i*, приводит к отчётливым формулам то что у Дарвина было сказано в общих выражениях или только подразумевалось.

Мы знаем что первый фактор дарвинизма есть *изменчивость*. Факт из которого исходить Дарвин, есть тот несомненный и общеизвестный факт что организмам свойственны индивидуальные различия, что дети никогда не бывают вполне сходны ни с родителями, ни между собою, На этих различиях и строится всё здание Дарвина. Но для того чтобы возможно было это построение, изменчивость, как показывает Н.Я. Данилевский, должна представлять следующие свойства: 1) *постепенность*, 2) *неопределённость*, 3) *безграницность*, 4) *мозаичность*.

В самом деле, во-первых, если б индивидуальные изменения не были постепенны, то есть не происходили бы мелкими, незначительными отступлениями, а напротив представляли бы крупные шаги, *скачки*, то в этих скачках и была бы вся загадка разнообразия организмов, и пока мы не найдём объяснения этих скачков, всякая теория происхождения видов будет не полна и бесполезна. Притом ясно что в случае скачков пропадало бы самое объяснение приспособлений которые должны ведь происходить посредством некоторой медленной и постепенной *лепки*; это вылепливание, достигающее удивительнейших форм, должно, по теории, определяться только внешними обстоятельствами, так сказать их выпуклостями и впадинами, и нисколько не зависеть от организма.

Во-вторых, если изменчивость не представляет неопределённости, то есть не совершается во всевозможные стороны, а следует какому-нибудь одному направлению, то опять в этом направлении и будет заключаться вся сила, весь вопрос; тогда организмы будут изменяться не случайно, а по какой-то норме развития.

В-третьих, если индивидуальные различия, совершаясь постепенно, не могут перейти известной границы, например, границы вида, рода, если они только колеблются в известных пределах, как это твёрдо признавали все

прежние натуралисты, то нужно вовсе отказаться от мысли о перехождении видов из одного в другой.

Наконец, *мозаичностью* Н.Я. Данилевский называет то свойство изменчивости по которому она не должна представлять никакой определённой связи в одновременных изменениях различных органов. Если бы такая связь существовала и всегда соблюдалась, тогда именно от неё зависело бы устройство изменившегося организма. Никакое приспособление не могло бы явиться если бы противоречило этой связи, и в ней, следовательно, заключалась бы главная загадка различных форм организмов. Словом, опять появилась бы некоторая норма вместо случая.

Таковы должны быть свойства изменчивости в теории Дарвина. Н.Я. Данилевский доказывает дословными выписками и сличениями разных мест что Дарвин, несмотря на свои колебания, так и понимал дело, принуждаемый к этому логическим развитием своей мысли. В одном случае, впрочем, Н.Я. Данилевский отдал предпочтение той формуловке которую нашёл у г. Тимирязева, и говорит:

«Определение даваемое *соответственной изменчивости* (то есть связи между изменениями различных органов) г. Тимирязевыми гораздо сообразнее с духом теории чем определение самого Дарвина. В сущности и Дарвин так её понимает, как его последователь; но счёл нужным и возможным выразиться так сказать более научно» (Ч. 1, стр. 178).

Пусть читатели обратятся к самой книге чтоб увидеть бесподобную точность этого анализа понятий и писаний Дарвина.

Второй фактор теории есть наследственность; оставим его пока без особых определений.

Третий фактор есть *борьба за существование*, которая, по предположению Дарвина, производить *естественный подбор*, то есть уничтожает хуже приспособленные организмы когда являются лучше приспособленные. Н. Я Данилевский показывает что для теории, для того чтоб этой борьбе можно было приписать такое следствие, необходимо предполагать что она 1) имеет очень большую напряжённость; 2) не прерывается и не ослабевает в своём напряжении, и 3) не изменяет своего направления (Ч. I. гл. VII).

Не забудем что борьба происходит вследствие изменений только очень мелких и только постепенно накаплиющихся; следовательно, она должна иметь чрезвычайную напряжённость. Только на известной степени

напряжения она представит некоторое преимущество организмам случайно получившим едва заметное, но выгодное изменение своей формы. Не забудем далее что борьба должна не только подбирать, но и *сохранять* подобранное. Никакой другой силы сохраняющей, *фиксирующей* раз появившиеся изменения, у Дарвина нет, не предполагается. Следовательно, как скоро борьба не действует, изменения исчезают, расплываются в неизменившейся массе. Борьба же перестаёт оказывать своё действие не только тогда когда вовсе прекращается, но и когда не достигает известной степени напряжения, или когда изменяет своё направление, начинает давать преимущество какому-нибудь другому изменению отличному от первоначального. Во всех этих случаях плоды подбора должны исчезать, и дело его, если ему суждено сделаться, должно начинаться сизнова.

Если теперь мы соединим вместе все указанные черты теории, то есть все её предположения, так сказать все требования которые природа должна исполнить для того чтобы мог в ней совершаться процесс воображаемый Дарвином, то мы ясно увидим, как мало вероятна эта теория. Она по-видимому очень проста, но в сущности требует очень много. Каждый беспристрастный, ничем не подкупленный натуралист должен сейчас увидеть что такой беспорядочности и неопределённости в изменениях организмов допустить невозможно и что дарвинизм, чтобы выйти из этого беспорядка, принуждён усилить жёсткость борьбы за существование до степени совершенно невероятной.

Можно пояснить этот вывод сравнением с нравственным миром человека. Если бы кто-нибудь говорил что люди на земле связаны только своими интересами, что их отношения определяются только эгоизмом и насилием, что ни патриотизм, ни взаимное доверие и уважение, ни любовь и снисхождение, ни сознание долга и добровольное подчинение, ни самопожертвование и благочестие, не имеют никакой силы в людских делах, ни чуть не определяют собою формы и существования человеческих обществ, то мы заранее могли бы отвергнуть эту теорию и, не дожидаясь её доказательств и подробного развития, сказать что эгоизм и насилие могут много сделать, но что построить из них что-нибудь прочное невозможно, а отвергать существование между людьми других отношений, значит быть совершенно слепым.

VI. Наследственность.

Об одном из факторов теории Дарвина, именно о *наследственности* — мы ещё не говорили. Приведём теперь прямо ту решительную страницу Н.Я. Данилевского, которую, можно-сказать, исчерпывается этот вопрос: «Предмет этот (наследственность), хотя и самой первостепенной важности, слабее всех прочих элементов учения обработан Дарвином. В главном сочинении (*«Origin of species»*) о нём сказано весьма не много; в *«Прирученных животных и возделываемых растениях»* хотя ему и посвящены три главы, но они наполнены частностями, выводами и доказательствами некоторых второстепенных свойств, как например: передача признаков в соответствующем возрасте, вопросы реверсии и атавизма; но сущность дела остаётся весьма шаткою и неясною. Я разумею под сущностью, в занимающем нас отношении, тот основной вопрос: усиливается ли, укрепляется ли наследственность с передачею признаков в течение долгого времени, то есть с увеличением числа поколений в которых происходит эта передача, или нет. И в самом деле, это — чрезвычайно затруднительная дилемма для Дарвиновой теории. Если принять что продолжительность наследования не укрепляет передаваемых признаков, не усиливает их постоянства, — это значить лишить учение главной его опоры. Как же тогда продолжительный подбор достигнет своей цели и фиксирует происходящие изменения? В самом деле, пусть постоянно гибнут негодные формы (не соответствующие направлению в котором идёт подбор), — хорошие однако же никогда не размножатся, если давность не усиливает наследства. Если принять, напротив того, что постоянство передаваемых признаков усиливается с увеличением числа поколений, в продолжение коих происходит эта передача, то это значит — вооружить коренные виды сильнейшим оружием в борьбе с происходящими отклонениями от их типа. Вид, старая форма, будет непременно передавать все свои признаки потомству, образовавшиеся же индивидуальные изменения будут передаваться весьма слабо, даже часто исчезать одними реверсиями, не говоря о других причинах. В самом деле, если бы признаки получали, с продолжительностью их передачи, всё возрастающую степень устойчивости при наследственной передаче, то происходящие в видах индивидуальные изменения никогда не могли бы вытеснить коренной типической формы в борьбе за существование. Сколь бы ни велико было их преимущество в такой борьбе, они всегда имели бы в ней одну капитальную невыгоду, именно, слабую способность быть передаваемыми по наследству — в противоположность сильной к этому способности типических видовых признаков, имевших много времени укрепляться.

«Из этой дилеммы Дарвину и не удаётся вполне и решительно выпутаться». (Ч. 1, стр. 501, 502.)

Таким образом самый факт наследственности, если мы точно его анализируем, если составим о нём ясное понятие, уже приведёт нас к опровержению теории Дарвина. Наследственность, по самой своей сущности, есть начало консервативное, сохраняющее тип принадлежащей организму, так что *наследственность и постоянство видов* представляют один и тот же принцип, только различно выраженный. Если все видовые признаки неизменно передаются по наследству, то никакое случайное отступление не может удержаться наравне с ними и должно исчезнуть. Для того чтобы новый признак мог остаться, он с самого начала должен явиться со всеми правами наследственности, следовательно, он должен соответствовать некоторой норме, должен, в силу какого-то закона, составлять исключение из числа тех колеблющихся отступлений от типа которые, как показывает ежедневный опыт, беспрестанно появляются, но исчезают без следа.

VII. Естественный подбор.

Мы до сих пор всё ещё продолжаем только анализировать теорию, только разбираем её требования, или необходимые предположения, а о проверке этих предположений фактами будем говорить потом. В заключение этого анализа теории, приведём здесь ещё одну её черту, которая так для неё важна и так очевидно несостоятельна что вполне годится для заключения, как решительный аргумент.

Теория предполагает что то что в домашних животных и возделанных растениях совершается искусственным подбором, то самое в природе, в области диких животных и растений, производится *борьбой за существование*.

Постоянные наблюдения показывают и никто не отрицает что в природе существует и непрерывно действует такая борьба; и вот, Уоллес, а потом Дарвин предположили что *одно* из следствий этой борьбы есть *подбор*, подобный подбору производимому человеком. Это краеугольный камень всех их рассуждений, почему и самую свою теорию они называют *теорией естественного подбора*.

Предположение это представлялось основателям теории до такой степени простым и ясным что сперва они вовсе не вникали в его возможность, а опирались на него прямо как на несомненный факт. Да и Н.Я. Данилевский, ставший с самого начала в критическое, хотя и совершенно беспристрастное отношение к теории, сперва не заметил невозможности этого предположения; как он сам рассказывает, прежде всего ему пришла та общая мысль что «органический мир не носит на себе печати внешних влияний, не относится к ним как отлив к своей форме. (Ч. II, стр. 196). Лишь в последствии критик убедился что главная неправильность теории, наиболее ясная и уже неотразимо бросающаяся в глаза как только будет замечена, есть именно предположение естественного подбора, то есть, сама исходная точка теории. Можно назвать истинным открытием Н.Я. Данилевского тот факт что *естественного подбора вовсе не существует*, что этот существенный фактор теории есть совершенно фантастическое понятие, составленное из непримиримых противоречий. Его не только нет, но и никаким образом быть не может.

Доказывается это двумя аргументами, *бесполезностию малых изменений* и действием *скрещиванья*.

Совершенно справедливо что всякое выгодное отступление от типа даёт организму некоторое преимущество в борьбе за существование; но для теории очевидно нужно доказывать не это, а некоторое обратное положение, именно, что самое малое отступление от типа может быть выгодно для организма. Если возьмём различия существующие теперь между организмами, то для теории необходимо, показать что каждый шаг по линии соединяющей устройство одного организма с устройством другого, непременно выгоден, непременно даёт преимущество в борьбе за существование. Притом, шаги должны быть маленькие, а между тем, если хоть один из них окажется бесполезным, то есть бессильным, то прощай и весь подбор. Очевидно, при таких ужасающих своею сложностью условиях, не может произойти ничего подобного подбору.

Но ещё решительнее второй аргумент. Собственно, Дарвину принадлежать честь что он показал важное место занимаемое в жизни природы борьбой за существование. На множестве примеров он пояснил, как одни организмы ограничивают распространение других, или даже вовсе их вытесняют. Но все эти примеры относятся только к *видам*, а никак не к разновидностям, или индивидуальным изменениям, — и это Дарвин упустил из внимания, в этом его коренная ошибка. Виды *не плодородны* между собою,

следовательно разъединены, и потому в борьбе за существование один вид может одержать полную победу над другим. Разновидности же и другие отличия, все способны к скрещиванию, способны давать между собою потомков, следовательно новые формы не только не будут разъединяться от других, не будут подбираться, а напротив тотчас же и совершенно сольются с прежними формами. Для того чтоб этого слияния не происходило, чтобы подбор был возможен, очевидно нужно чтобы каждое отступление от типа приобретало видовое качество, делало отступивший организм неспособным к скрещиванию, — предположение совершенно не мыслимое; да притом такой организм ведь неизбежно должен был бы остаться без потомства, то есть его победа ровно ни к чему бы не вела.

Таким образом, тут нет никакого выхода. Создавая свою теорию, Дарвин к удивлению не остановил своего внимания на таких свойствах организмов которые враждебны всяким изменениям. Порядок органического мира явным образом соблюдается посредством этих двух начал— наследственности и скрещивания (неизбежного между особями того же вида, но невозможного между видами). Как же строить теорию изменений не рассмотрев действия этих начал?

Искусственный подбор состоит ни в чём ином как в устранении скрещиваний, в том что растениям и животным представляющим известные свойства не дают смешиваться с другими организмами того же вида. Н.Я. Данилевский не раз выражает своё изумление, каким же образом можно было перенести это понятие подбора на природу и не указать что именно в природе соответствует искусственным препятствиям к смешению.

«Подбор», говорит он, «по сущности своей, по самому своему определению, есть не что иное *как именно устранение скрещиваний*. Казалось бы что если бы Дарвин, так много рассуждавший о подборе, только принял на себя труд дать ему точное и строгое определение, то не мог бы не увидеть что подбора в природе нет и быть не может. Да, это было бы так, если бы человек, и даже талантливый, учёный, был всегда существом последовательным и беспристрастным; но эта постоянная последовательность и беспристрастие даются немногим, если только кому-либо даются вполне. Не одни только страсти ослепляют людей, заставляют их не видеть прямых последствий их деяний; то же самое ослепляющее действие имеет и теория на человечески ум, — она лишает возможности видеть самые необходимые следствия их мыслей. Если бы не этот психологический факт, то пришлось бы решительно недоумевать пред необъяснимою

непоследовательностию Дарвина. Он очень ясно сознавал что подбор есть устранение скрещивания и в то же время не понимал, или правильнее,, ослепляясь блеском своей гипотезы, не видал всей сокрушительной силы этого простого определения для его теории». (Ч. II стр. 101, 102).

В другом месте, в конце книги, автор ещё раз со всею силою настаивает на этом аргументе. Он говорит:

«В опровержение Дарвинова учения можно построить следующий, совершенно неопровержимый силлогизм. *Подбор существенно заключается в более или менее полном устранении скрещиваний несоответствующих сознаваемой или несознаваемой цели изменения организма, и ни в чём ином как именно в этом устранении.* И я вызываю кого угодно опровергнуть это положение, составляющее мою первую посылку. *Борьба за существование никоим образом и ни в какой степени скрещивания не устраняет, и Дарвин нигде не показал что она должна устранять, как и чем должно быть устраняемо скрещивание в природе.* И я опять вызываю кого угодно опровергнуть и это положение, составляющее мою вторую посылку. *Следовательно, в природе и нет никакого подбора,* и я опять вызываю кого угодно доказать неверность этого заключения из двух предыдущих посылок. А из этого следует что так называемый естественный подбор — не реальный природный деятель или фактор, а не более как фантазм, мозговой призрак, ein Hirngespinnst (как очень живописно и выразительно говорят Немцы) Дарвина и его последователей» (ч. II, стр. 496).

VIII. Искусственный подбор.

Мы кончили анализ теории и можем теперь обратиться к фактам, посмотреть как природа отвечает на вопросы предлагаемые теорией.

Наше изложение анализа есть конечно только очерк, указание главных его пунктов. Но автор рассматривает и все побочные и второстепенные пункты; он следит за мыслью Дарвина и дарвинистов во всех её развитиях; он сравнивает добавления и перемены в разных изданиях Дарвиновых сочинений, указывает уступки которые Дарвин вынужден был делать и уловки к которым он и его последователи прибегали чтоб укрепить явно слабые стороны теории. Всё это разъясняет дело до очевиднейшей ясности. Уступки бывают таковы что, указав на одну из них, в шестом издании «*Origin of species*», Н.Я. Данилевский говорит:

«При должной оценке выписанного места, всякий беспристрастный человек должен согласиться что оно заключает в себе полное отречение, полный отказ от учения о происхождении видов путём естественного подбора, хотя та книга из которой эта выписка сделана продолжает по-прежнему носить заглавие: *«Происхождение видов путём естественного подбора»*». (Ч. II стр. 124).

Уловки для избежания трудностей теории автор сравнивает с теми *эпициклами* которые были придуманы для спасения Птолемеевой системы движения небесных тел, и подробно разбирает эти «вспомогательные гипотезы дарвинизма». (Гл. IX.)

Всё это пусть прочтут читатели в самой книге. Нашим изложением мы хотели только показать что автор вполне разъяснил *внутреннюю несостоятельность теории*, показал что эта теория прежде всего неизбежно опровергается *из самой себя*, то есть главным и лучшим приёмом критики.

Следя за этим разбором, читатель конечно невольно почувствует что он попал, благодаря Дарвину, в область каких-то фантазмогорий, конечно имеющих свой психологический интерес, но очевидно очень далёких от действительного изучения природы. Тысячи дословных выписок из Дарвина свидетельствуют что вся сила и содержание его теории состоит в соображениях и предположениях, в основе которых не лежит ни ясного факта, ни ясного принципа. Можно сказать что вопросы которые Дарвин поставил природе своею теорией, очень дурно им поставлены, и что он не искал ответов надлежащим образом.

Обращаясь теперь к положительной стороне книги Н.Я. Данилевского, мы уже не можем сделать такого полного её очерка, какой сделали относительно анализа Дарвиновой теории. Огромное множество фактов, собранных в книге изложены автором в том их своеобразии которое уловить и характеризовать есть непременный долг натуралиста. Органический мир тут является пред нами под управлением своих внутренних норм и потому самому тем богатым, свободным, даже до причудливости разнообразным миром каким знает его всякий не ослеплённый кабинетными мыслями.

Укажем лишь несколько пунктов в виде примера.

Домашние животные и возделываемые растения приняты Дарвином за образчик того что может происходить в дикой, в свободной природе. Между тем, эти организмы уже самым своим положением, указывают на какую-то свою особенность; мы обязаны предложить себе вопрос: почему человеком

приручены только известные животные, а другие, несмотря на все старания, не приручаются. Точно также: почему для культуры человек выбрал те, а не другие растения? Н.Я. Данилевский показывает что причина заключается в большей изменчивости этих организмов, *Изменчивость в различной степени* принадлежит различным видам животных и растений. Огромное большинство видов чрезвычайно постоянны; некоторые изменчивы (хотя в пределах вида), и к числу их принадлежат культурные растения и домашние животные. Самый факт подчинения культуре и приручению есть уже черта и доказательство изменчивости. И значит, нельзя от этих видов переносить заключение на другие.

Следующей за этим вопрос будет состоять в том *как проявляется* изменчивость. Каким образом, при каких условиях произошли те домашние породы организмов которые разнятся между собою *почти* как виды? Дарвин утверждает что они возникли из постепенных индивидуальных изменений, накапливаемых и сохраняемых подбором. Он ссылается на это как на *факт*, и не забудем что это единственный факт на котором построена вся теория. В самом деле, во всей природе до сих пор нигде и никем ещё не найдено такого факта который бы вполне подходил под теорию, то есть не доказано чтоб *один вид перешёл в другой рядом постепенных изменений*. Но относительно домашних пород Дарвин считает вполне и несомненно доказанным что их огромные различия (иногда, по-видимому, далеко превосходящие различия видов) произошли именно так, постепенно, из индивидуальных отступлений.

Имея всё это в виду, нельзя без изумления читать аргументацию Н.Я. Данилевского, который нашёл что в действительности дело идёт совершенно иначе. Сличением всех данных, от Плиния до наших дней, собственными и чужими опытами, показаниями самого Дарвина, словом, во всеоружии сведений и логики, автор показывает что факт составляющий точку отправления теории имеет совершенно другой вид. Вот его заключение:

«Не подбор главная причина которой мы обязаны самыми значительными и характерными изменениями домашних животных и растений; они зависят: от отдельного или совокупного действия внешних влияний, от гибридизации как с самостоятельными видами, так и с сильно уже характеризованными породами или разновидностями, от индивидуальных изменений остающихся в чистом виде, то есть без накопления их подбором, и *от крупных, внезапных, скачками происходивших изменений*, частью уродливых, болезненных, частью же нормальных. На выведенном ими

высоком фундаменте здания собственно подбор надстроил только сравнительно небольшую башенку». (Ч. I, стр. 511.)

Вот к каким открытиям привело беспристрастное исследование. Накопление подбором хотя и практикуется с некоторым успехом, во все не есть источник крупных различий. Главное значение подбора состоит в сохранении уже существующих значительных отступлений, самые же отступления преимущественно происходят в виде более или менее внезапных перемен, таинственно определяемых внутреннею природою организмов.

Из доказательств, в большом множестве и подробности изложенных в книге, обратись внимание читателей на два аргумента особенно ясные — на вопросы о породах голубей и о породах груш.

О голубях подробно говорить сам Дарвин; разведение голубей многочисленными и страстными английскими любителями послужило для него главным образцом того как выводились и выводятся (по его мнению) различные породы домашних животных.

Тщательный разбор всех показаний которые сюда относятся показывает однако что ход дела был совсем иной. Н.Я. Данилевский в заключение ссылается на самого Дарвина.

«Спросите человека долгое время разводившего короткорогий или герсфордский скот», говорит Дарвин, «лейстерских или саутдаунских овец, испанских или бойцовых кур, турманов или гонцов, не могли ли все эти породы произойти от общих прародителей, и он, вероятно, надсмеётся над вами. Заводчик допускает что он может надеяться развить овец с более тонким или длинным руном, или с лучшими скелетами, или красивейших кур, или гонцов голубей с клювами настолько длиннее обыкновенных чтоб это мог разглядеть опытный глаз, и таким образом получить успех на выставке. Он идёт так далеко, но не дальше; он не размышляет о том что происходит вследствие скопления, в продолжение весьма долгого времени, многих лёжих последовательных изменений; он также не размышляет о прежнем существовании многочисленных разновидностей соединявших расходящиеся лишь происхождения. Он заключает что все главные породы которые он давно вывел суть первобытные произведения». («Прируч. животн. и возд. раст.», II, стр. 267, 268).

Н. Я. Данилевский на это замечает:

«Да, так рассуждает любитель занимающийся подбором, и рассуждает совершенно правильно и верно; он хорошо знаком с орудием своих успехов,

с тем рычагом при посредстве которого он нарушает покой и равновесие органических форм, и знает к чему это орудие, этот рычаг — подбор — способен, чего он может достигнуть и пред чем останавливается. Неверно его суждение только в одном: в том что он считает что породы над которыми он производит свои операции — произведения первобытные. Относительно его средств, относительно подбора — они действительно таковы и есть; но есть и другие орудия и средства у природы, ему неизвестные, на которые во всяком случае он не имеет ни малейшего основания рассчитывать. Это — крупные, внезапные, самопроизвольные изменения, уродливые уклонения от типа, от времени до времени появляющаяся, но независимые от подбора; это также — влияние гибридизации, если он занимается исключительно подбором в тесном смысле этого слова, и к её помощи не прибегает; это ещё — влияние внешних условий, в том числе и культуры, действующих часто вне всякого расчёта. Эти главные, основные породы: гонцы, турманы, дутыши, никогда не происходили подбором; сам Дарвин, как мы видели, невольно признает это, прибегая к помощи случайного рождения птицы с уродливо малым клювом, к рождению птицы с какою-нибудь болезнью мозга, или вообще к необходимости предположения появления достаточно резких особенностей чтоб остановить на себе глаз любителя... так же точно ни в своей таблице происхождения голубей, ни в другом каком-либо месте, Дарвин не указал на те прежде существовавшие многочисленные разновидности, соединявшие расходившиеся линии происхождения, и ещё менее на образование подбором этих соединительных звеньев, про что, по его словам, не размышляет любитель, но о чём ему собственно и размышлять незачем, так как никто ничего подобного в действительности не видал... Итак, со своей точки зрения, то есть именно с точки зрения подбора, прав любитель-заводчик, а не Дарвин». (Ч. I, стр. 430, 431.)

Что касается *груш*, то дело здесь интересно и по необыкновенному промаху Дарвина, и по ясности и обширности факта противоречащего его учению. Дарвин нигде не трактует специально о грушах, но мимоходом говорит однако же о них весьма решительно, и именно в доказательство *бессознательного* подбора, то есть подбора при котором люди не задаются определённою целью, а невольно, непреднамеренно сохраняют и возделывают лишь то что получше.

Так как груши представляют множество пород и притом поразительно различных по качеству плодов, то Дарвин *уже из этого* вывел для себя заключение о долгом и медленном подборе и дошёл до того что с величайшею уверенностью говорить: «Может ли кто в здравом уме надеяться

получить яблоко первого достоинства, или сочную, тающую грушу от дикой груши?» («*Прир. животн. и возд. раст.*» II, стр. 28.)

Между тем, на самом деле, лучшие сорта груш именно так и получились, то есть какое-нибудь семя дикой груши неожиданно давало из себя дерево с большими сочными тающими плодами, которое потом и было размножаемо прививкою. Н.Я. Данилевский обстоятельно это доказывает ссылками на знаменитых садоводов Ван-Монса и Декена, десятки лет практически занимавшихся этим делом. Декен прямо говорит: «Мои опыты показывают что мы можем получить хорошие разновидности высевая семена диких груш, и очень дурные—высевая семена наших улучшенных пород». Для большей убедительности, Н.Я. Данилевский приложил таблицу происхождения лучших сортов груш, в числе 144 (ч. II, приложения, стр. 127—137). Из них 33 груши были прямо найдены, и известно, где и когда именно, иногда в лесах, в совершенно диких и пустынных местах; даже маточные деревья иных сортов ещё существуют. Далее, 30 сортов — старинные, неизвестного происхождения; 18 сортов выведены Ван-Монсом из посевов на удачу; 3 сорта найдены в садах. Наконец, остальные 60 сортов получены из намеренных посевов хороших семян; но это только новые сорта, а никак не того же качества и не превосходнее старых.

Итак, в грушах, при переходе от одного поколения к другому, вдруг совершаются большие единичные отступления, которые не передаются наследственно и сохраняются уже разделением того же растения, а не размножением семенами. (Ч. I, стр. 391—398.)

Но есть примеры таких же крупных внезапных изменений передающихся по наследству, следовательно почти достигающих видового предела и в этом отношении едва ли не превосходящих изменения голубей и кур. Очень любопытный случай такого рода представляет история *однолистной земляники*, вдруг появившейся в 1763 в одном из садов в Версали (ч. I, стр. 406—408). Два другие резкие примера, кипарис дающий из семян пирамидальную разновидность и биота дающая разновидность плакучую (стр. 401—404). Последний пример, как вполне подтверждённый фактически, автор поясняет четырьмя таблицами рисунков, приложенными к первой части.

Мы здесь только указываем, и только на выдающееся случаи; в книге читатель найдёт и точное описание их, и много других фактов противоречащих Дарвинову медленному подбору; найдёт также отчётливую критику тех фактов которые Дарвин приводит в свою пользу.

Всё это очень важно уже потому что в огромной литературе дарвинизма «всего меньше делалось возражений против учения об искусственном подборе». Общее своё заключение Н.Я. Данилевский выразил в следующих словах:

«Таким образом, самая база с которой Дарвин начинает свои измерения, простирающаяся так сказать в глубь времени, сокращается до самых незначительных размеров, а следовательно и все измерения его, то есть выводы, теряют всякую достоверность. В самом деле, если подбор не составляет главного фактора изменчивости даже в домашних организмах, то какая возможность приписывать ему эту роль при несравненно значительнейших изменениях диких животных и растений? Если же мы признаем что и в диких организмах этим главным фактором были самопроизвольные, крупные, внезапные изменения, то хотя происхождение видов от видов, то есть так называемая теория нисхождения, и становится возможною, но собственно дарвинизм уже исчезает, ибо 1) эта теория не будет уже представлять никакой логической необходимости... Индивидуальные изменения действительно всегда налицо, и потому всегда находятся под руками для всякого дальнейшего накопления и постройки из них какого угодно здания...; на крупные же самопроизвольные изменения рассчитывать невозможно. 2) Если и можно представить себе при этом происхождение вида от вида одним скачком, или очень малым числом скачков, то уже вся гармония и целесообразность органического мира остаётся не только без объяснения, но является прямою невозможностию при предположении что такого рода изменчивость будет столь же неопределённою, как это предполагает Дарвин для своих лёгких индивидуальных изменений». (Ч. I, стр. 512, 513.)

IX. Телеология.

Природа, как мы видим, действует сильнее и самостоятельнее чем полагает Дарвин. Ещё яснее, и вполне поразительно, открывается нам её свобода, широкие размахи органического созидания, когда мы рассматриваем формы и строение различных живых существ. По Дарвину, всякая черта их устройства определяется необходимостью, составляет лишь то орудие без которого они были бы уничтожены в жестокой борьбе за существование. Нужно помнить различие этой псевдотелеологии от истинной телеологии. Телеология, такая как например у Кювье, говорить лишь что всё

существующее исполняет условия своего существования; Дарвин же учит что *только то одно* и существует что эти условия исполняет. таким образом, по Кювье, организмы имеют некоторую свою природу и некоторое своё назначение, но при этом приноровлены к условиям среди которых живут. По Дарвину же, наоборот, вся природа организмов и всё их назначение заключается в этом приноровлении, вполне им исчерпывается, и в них нет ничего определяемого каким-нибудь другим началом. Чтобы показать что таков точный смысл этой псевдотеологии, приведём подлинные слова Дарвина; он говорит:

«Вообще признано что все органические существа были образованы по двум великим законам: по единству типа и условиям существования. Под единством типа разумеется фундаментальное сходство строения, которое мы видим в органических существах того же разряда и которое совершенно независимо от их жизненных привычек. По моей теории единство типа объясняется единством нисхождения. Выражение условий существования, на коем так часто настаивал знаменитый Кювье, вполне объясняется началом естественного подбора, потому что естественный подбор действует: или принаравливая теперь изменяющиеся части каждого существа к его органическим или неорганическим жизненным условиям, или тем что принаравливал их в течение протекших периодов времени... Отсюда, *закон условий существования есть в сущности высший закон*, потому что он включает в себя, чрез унаследование прежних изменений и приноровлений, закона единства типа». (*«Orig. of spec.»* VI ed. p. 166.)

Итак, всякая черта строения организма или теперь полезна, или была полезна прежде. Не только вредных, но и бесполезных, безразличных частей или форм организмы иметь не могут; по крайней мере подобные черты строения не могут иметь в организмах никакого важного значения и никакого постоянства. Ибо, не забудем, подбор есть единственная фиксирующая и сохраняющая сила, и всё что под него не подходит должно колебаться и исчезать.

И вот, является целый океан предположений о том, почему и как полезна, или могла быть полезна всякая на удачу взятая черта животных и растений. Н.Я. Данилевский пускается в это море догадок и, твёрдо владея рулём и парусом, легко находит и мелкие острова, и самый материк. Две главы, X и XI, посвящены рассмотрению безразличных, бесполезных и вредных признаков встречающихся в организмах. Это рассмотрение ясно доказывает, что между органическим миром каким он вытекает из естественного подбора и между

миром действительным существует непримиримое противоречие. Нужно помнить при этом что признаки о которых идёт речь могут быть вовсе е безразличны и бесполезны вообще для некоторой высшей цели, для осуществления идеи органического мира, но они несомненно вредны и бесполезны для дарвиновой цели, для победы в борьбе за существование.

Материком в этом плавании по морю догадок можно считать, во-первых, превосходные указания на то правильное и огромное разнообразие в некоторых формах растений и животных которое очевидно не имеет никакого отношения к жизненной борьбе (стр. 136-178), во-вторых, разъяснение той мысли о которой мы уже упоминали, именно что органический мир не составляет отпечатка среды, то есть внешнего мира (Ч. II, стр. 196 -205).

«Если б организмы, – говорит Н.Я. Данилевский, – образовывались и вырабатывались под влиянием Дарвинова подбора, то необходимо было бы чтобы главные группы, на которые распадалось бы животное царство, соответствовали их жизни в воде и на суше. Если бы приурочение к среде было самым существенным в организмах животных, то жизнь водная и жизнь на сухом пути так моделировала бы животных, что все признаки иного характера отступили бы на второй, и вообще на задний план» (стр. 201).

Вообще, если взять всю картину органических форм в их взаимных отношениях, всю ту *естественную систему* животных и растений, над которою с такою любовью трудились многие поколения натуралистов и которую они довели до такой удивительной отчётливости, то всякому станет очевидно что никакие существенные черты этой картины не представляют какого-нибудь отражения внешних влияний, что натуралисты потому никогда и не находили здесь печати Дарвиновского принципа что её действительно нигде не видно.

Из частных примеров бесполезности и вредности укажем лишь на те которые и подробно разобраны, и особенно поразительны. таковы: гремушка у *гремучей змеи* (стр. 209—214), устройство *лентовидных рыб* (227—230), рога *олени* (234—239), нижняя челюсть *гемирамфы* (244—245).

Эти частности и множество других, на которых с охотой и любовью останавливается автор, интересны не только как явные противоречия теории, но и потому что в живых образах, в ярких красках представляют нам загадочную, как будто причудливую расточительность той пластической силы которая управляет созданием организмов. Впрочем, один взгляд на слона или на хвост павлина, должен был бы, по-видимому, возбуждать в нас такое же

чувство, если бы наша впечатлительность не была в этих случаях притуплена привычкою.

На одном примере, как на особенно поучительном, Н.Я. Данилевский останавливается со всею подробностью, именно на *плавательном пузыре* рыб (стр. 245—265 и пояснительные рисунки табл. V и VI). Пузырь этот соответствует лёгким высших животных, он есть *зачаточный орган*, и на нём чрезвычайно ясно видно значение таких органов. Описав и разобрав все формы и отправления пузыря, Н.Я. Данилевский заключает так:

«Плавательный пузырь не мог быть произведён подбором, так как в огромном большинстве случаев бесполезен... Он не мог быть вызван также соответственностью роста, ибо никакому другому специальному органу или специальному строению не соответствует; не мог быть и результатом наследственности, ибо появляется в разных группах без соответственности с их систематическим сродством, которое, по Дарвину, и составляет именно указание и следствие их генеалогического родства. Но и этого мало. Если б и удалось объяснить путём подбора самое происхождение плавательного пузыря у рыб вообще, мы всё-таки не получили бы объяснения (вытекающего из того же принципа) всех разнообразных и странных его форм у различных видов, некоторые только образчики которых я здесь представил (они изображены на таблицах V и VI). Самое же главное, мы уже никак не получили бы из начала подбора изъяснения того существеннейшего и важнейшего факта: как орган, гомологический с лёгкими, постепенно подготавливается в целом ряду форм (у одних в одном, у других в другом отношении) к тому чтобы сделаться наконец лёгкими и в физиологическом смысле, и притом подготавливается к этому исключительно морфологически. Я говорю *исключительно морфологически*, потому что ни различными степенями и разнообразными свойствами своего ячеистого строения, ни различными комбинациями своего соединения с пищевыми путями, плавательный пузырь несколько не служит ни дыханию, ни какому-либо воображаемому содействию плаванию. Не очевидно ли после этого что другого объяснения, кроме чисто морфологического, нельзя дать ни появлению и продолжающемуся существованию, ни изложенным постепенным изменениям строения и анатомической связи органа столь распространённого у рыб, как плавательный пузырь? Мы видим орган появившийся и изменявшийся чисто морфологически, но которым, от времени до времени, природа то одним, то другим образом пользовалась и для адаптативных целей. По отношению к плаванию пузырь доставил устойчивость тем плоским рыбам которые, как *Platax* и *Psettus*, должны бы

были без него лежать на боку подобно камбалам; по отношению к дыханию дал возможность каранксам выдавливать заключающейся в нём воздух прямо в жабры; по отношению к слуху природа привела пузырь в некоторых специальных случаях в связь с этим органом чувств; по отношению к главной цели, к преобразованию в лёгкое, представила целые ряды чисто морфологических перемен в разных направлениях, которые сами по себе бесспорно бесполезны. Неужели же этот пример, потому именно с особенною подробностью мною разобранный, не показывает с очевидною ясностью что *в строении организмов сторона морфологическая есть главное и существенное*, что она даёт нам руководящую нить для понимания органического строения, а что *адаптивная сторона есть уже нечто второстепенное*, нечто проявляющееся *иногда* уже как результат, а не как обуславливающая в каждом случае причина?» (Ч. II, стр. 264—265).

Х. Борьба за существование.

Собственно говоря, мы не должны употреблять выражений *подбор, естественный подбор*, так как в природе ничего подобного не существует. Но мы делаем это ложное предположение только для ясности, для того чтобы посредством отрицания такой определённой формулы лучше выразить действительные факты природы. Вопрос идёт о том, в какой мере устройство организмов представляет соответствие обстоятельствам среди которых они живут. По Дарвину, это соответствие должно быть полное, не терпящее никакого уклонения.

«Вместо этого, говорить Н.Я. Данилевский, что же мы находим? Что некие морфологические типы (общие и частные), не имеющие ничего общего с приноровленностью, с творческим или с критическим влиянием среды, прободают всю эту сумму внешних влияний и пролагают себе чрез них торжествующий путь, подобно тому как движимый внутреннею силой пароход рассекает на встречу ему идущие волны и течения. Не очевидно ли что этот-то морфологический принцип, не образуемый, не моделируемый средой, а побеждающий её влияния и так сказать заставляющий их себе служить, составляет главное в организмах? Этот морфологический принцип моделирует животные (а также и растительные) организмы, не в тех только основных чертах по которым мы отличаем типы животного царства, но и все прочие систематические группы: классы, отряды, семейства, роды и виды; потому что во всех этих группах влияние среды, приноровление к ней,

проявляются лишь в признаках очевидно подчинённых этому, от приноровлённости совершенно независимому и самостоятельному, морфологическому принципу». (Ч. II, стр. 202.)

Но если так, то что же делает борьба за существование? Мы теперь убеждены что она не определяет собою формы организмов; но как же она действует не в теории Дарвина, а в действительной природе? Вопрос очень любопытный, и книга Н.Я. Данилевского преисполнена фактов и рассуждений к нему относящихся.

Жестокость этой борьбы вошла в поговорку; изо всех черт теории Дарвина, эта черта показалась столь ясною и несомненною что её все признали, даже те кто знает о Дарвине только по слуху; можно сказать что счастливой мысли о борьбе за существование теория больше всего обязана и своим происхождением, и своими успехами. Дарвин, как прежде него Мальтус, был поражён тем соображением что размножение всяких организмов, даже наименее плодовитых, идёт в геометрической прогрессии, следовательно, потомки одного неделимого могли бы скоро наполнить собою всю землю, если бы ничем не истреблялись. Это ясно и несомненно. Но в чём состоит главный принцип истребления? По-видимому самый неизбежный принцип есть *вытекающий прямо отсюда недостаток* необходимых условий, например, пищи, простора, защиты и т. п. Итак, из-за условий существования должно происходить между неделимыми того же вида непрерывное состязание. Эти условия постоянно берутся, так-сказать, с бою; и так как масса бойцов нарастает без предела и с величайшею быстротой, то обратно можно сказать что все места в природе заняты до границы переполнения, что каждый уголок сейчас же находит жителей подходящих под его условия.

Так представляет себе дело Дарвин. Но как оно делается в действительности? Очевидно, сколько бы мы ни подбирали случаев показывающих присутствие в природе такого хода дел, если мы не докажем что этот ход в ней *исключительный*, или почти исключительный, то мы и не докажем что состязание между неделимыми того же вида имеет ту силу и непрерывность какая необходима для теории.

Вопрос о том, чем ограничивается в природе число размножающихся неделимых, чем определяются отношения между количествами различных органических форм, гораздо сложнее чем думал Дарвин, и представляет очень любопытные и загадочные стороны. Оказывается что гибель организмов зависит, большею частию от недостатка средств к жизни, не от

состязания, а производится многими другими причинами, из которых может быть всего яснее климатические перемены. Приведём место где Н.Я. Данилевский ссылается на свои собственные наблюдения.

«В особенности часто случаются перерывы в напряжённости борьбы среди водных животных, населяющих реки, озёра и внутренние моря, — животных сильная размножаемость которых должна бы, по-видимому, вести к борьбе самой напряжённой и непрерывной. Сильные волнения выбрасывают огромное количество выметанной икры на берег, где она высыхает и гибнет. Большая часть рыб мечет икру в затонах, заливных местах, так называемых ильменах и лиманах. Если в это время случится сильный дождь, от которого втекает много мутной воды в эти вместилища, то икринки покрываются слоем мути и становятся неспособными к развитию. Наступают засухи, лиманы и ильмени в значительной степени высыхают, и молодой приплод гибнет. И без большой засухи, если пред наступлением осени (когда более быстрое охлаждение таких мелких бассейнов побуждает молодую рыбу уходить в реку) вода не подымется настолько чтобы каналы, соединяющие эти ильмени и лиманы с рекою, наполнились, то молодой приплод остаётся в этих мелких бассейнах; наступает зима, ильмени покрываются толстым слоем льда, и вся рыба в них задыхается. Таким образом, приплод целого года остаётся напрасным, почти не содействуя размножению многих пород. Во время каспийской экспедиции покойного академика Бэра, мы видели на персидском берегу, близь Энзели, весь берег покрытым на протяжении многих вёрст как отдельными трупами так и целыми кучами, точно копнами, мёртвых сомов. Влияние всех этих причин столь велико что, при одинаковой напряжённости лова, результаты улова бывают чрезвычайно различны, и не в одной какой-либо из рек впадающих в море, или в какой-либо части внутреннего моря, каковы: Каспийское, Азовское, а часто на всём пространстве их. За годами чрезвычайных уловов следует продолжительный ряд годов безрыбья, которое по большей части является не результатом излишнего лова (обнаруживающего своё влияние лишь постепенно и медленно), а только что поименованных мною явлений. Очевидно что в эти годы море и реки его далеки от насыщения их пространства рыбою» (ч. I, стр. 468—469).

Множество других показаний и наблюдений собрано в книге чтобы показать, как различны бывают условия которые или ограничивают распространение и размножение органических существ, или же, наоборот, дают им большой простор в этом отношении. Общий свой вывод Н.Я. Данилевский формуловал следующим образом:

«Из этих соображений вытекает что необходимость крайне напряжённой борьбы за существование, как неизбежный результат возрастания в геометрической прогрессии численности каждого вида, есть только требование теоретическое... На деле, на практике, осуществление этого требования никогда не бывает повсеместным, повсевременным. Всегда, то для одних существ, то для других, открываются обширные пробелы, так сказать пустоты, которые разные животные и растения могут наполнять, в течение долгого времени, вне всякой борьбы за существование. Словом, если и должно принять что, вообще, все организмы стремятся к переполнению отмежёванного им природою (по необходимости ограниченного) места, и следовательно находятся в постоянном стремлении вступить в самую ожесточённую, напряжённую борьбу, то есть находятся на пути к этой войне; то, с другой стороны, разные условия приводят к тому что стремление это или не осуществляется, или осуществляясь на некоторое время в известной местности, то там, то здесь, скоро прекращается, потому что прекращается то тесное прикосновение которое необходимо для напряжённости борьбы. Борьба, следовательно, может происходить только урывками, то там, то здесь, то для одних, то для других существ, то в одно, то в другое время, так что происходит не всеобщая и непрерывная война, а только частные, временные и местные войны, которые прерываются частыми промежутками мира» (ч. 1, стр. 461).

Не можем оставить этого предмета не указав на два, на три примера. Автор ссылается на общеизвестный факт огромного размножения лошадей и рогатого скота в Америке, в Прилаплатских странах, и спрашивает, неужели для этого необходимо было вытеснить соразмерное число диких травоядных животных, пасшихся на этих великолепных пастбищах? Разобрав все обстоятельства дела, он заключает:

«Эти лошади и рогатый скот никого собою не вытеснили (по крайней мере не вытеснили в степени соответствующей их размножению) и размножились вовсе не на чей-нибудь счёт, а на счёт свободного запаса природы. Они сделали собственно то же что делает и человек, размножаясь в известной стране и добывая себе пропитание, и вообще средства к жизни, не на счёт друг друга, или людей других стран, а развитием промышленности, ускорением оборота капитала, что ведь в конце концов приводит к *ускорению кругообращения вещества*. Это-то кругообращение вещества ускорили в пампах и поселившиеся там на правах диких животных лошади и рогатый скот, никого не вытеснив, не ограбив или сделав это лишь в самых небольших размерах, далеко не соответствующих умножившемуся их числу.

Это ускорение круговращения материала, именно вследствие появления новых форм или переселения их из страны в страну, возможно ещё в очень обширных, неисчислимых размерах, и следовательно, количество жизни на земле может возрасть не относительно только, заменю старых форм новыми, большим числом видов, но зато с уменьшением особей, — а и абсолютно, увеличением численности одного вида, без уменьшения её в других» (ч. 1, стр. 460).

Весь трактат о бесполезных и вредных признаках, а также глава о вымирании организмов (гл. XIII) наполнены косвенными доказательствами того что и процветание, и гибель организмов зависят далеко не от того состязания при котором им становится невозможно жить вместе. Заговорив о *лентовидных* рыбах, об их странных формах и необыкновенной хрупкости их тела, автор с большою живостью выражает свой взгляд на действительный порядок природы.

«Если вся организация лентовидных рыб так невыгодна, — говорить он, — то может быть спросят: каким же образом вообще они могут существовать? Они, без сомнения, и не могли бы существовать если бы в природе происходила борьба за существование в том смысле в котором её представлял Дарвин, то есть, если бы все места были заняты в природе, если бы все существа, стремясь размножаться в геометрической прогрессии, непрестанно теснили друг друга, так что всё что мало-мальски отстало, не применилось в достаточной мере к изменившейся среде, не идёт в ногу по пути прогресса со всеми прочими существами, сейчас же безжалостно уничтожалось опередившими соперниками, находящимися, так сказать, беспрерывно настороже и зорко подсматривающими и следящими за тем, нет ли с чьей-нибудь стороны малейшего упущения чтобы воспользоваться этою прорухой и занять место отсталого, не усовершенствовавшегося в меру крайних требований жизненной конкуренции. Оказывается что на свете живётся вообще несколько свободнее чем это представляется по ультра-английскому мировоззрению; что и у природы есть так сказать снисходительность, что и она долготерпелива и многомилостива, что всякому существу отмежёвывается своя область, из которой другим не так-то легко его вытеснить, что живёт всё что может жить, и не только одно сильное и превосходно вооружённое, а и слабое, что *bellum omnium contra omnes*, эта Гоббзовская всеобщая война, возобновлённая Дарвином в применении к органическому миру, не столь жестока, напряжённа и непрестанна, как по-видимому должна бы быть по арифметическим выкладкам геометрической прогрессии размножения» (ч. II, стр. 230—231).

Итак, размеры действий природы гораздо шире чем предполагает узкая теория. Могущество естественных сил и простор естественных стихий так велики что перед их игрою отступает на задний план взаимное состязание организмов. С одной стороны, различные губительные влияния далеко превосходят своею силою простое действие тесноты и соперничества и гораздо быстрее задерживают излишнее размножение; с другой стороны, живые существа, даже независимо от этого, могут находить в природе свободное пространство, открытое поприще для своего распространения и развития. Организмы подвержены опасностям и бедам, но есть для них и счастливая доля, когда жизнь их может вольно развёртываться во всей своей красоте и своеобразности.

XI. Морфологический принцип.

Богатство мыслей и фактов так велико в этой книге что мы принуждены здесь отказаться даже от простого указания на многие существенные предметы. Каждый вопрос, на котором останавливается автор, у него не только важен по связи с общею задачею, но и сохраняет свою собственную важность и разбирается со всею строгостью науки и основательнейшей эрудиции. Чрезвычайно любопытна предпоследняя глава; тут автор доказывает, между прочим, что для времени существования организмов на земле нужно предполагать цифру около двадцати пяти миллионов лет, тогда как для Дарвинова процесса, если прямо следовать его собственным предположениям, необходимо было бы в триста или даже в восемьсот раз больше времени. Эти остроумные гипотетические соображения очень интересны; но ещё интереснее факты вымирания животных и растений, собранные и анализированные в той же главе. Все обстоятельства этого вымирания показывают что, вопреки Дарвину, вымирающий вид никогда не вытесняется другим, к нему ближайшим видом. Случаи вымирания обыкновенно относятся к крупным, исполинским формам, исчезание их, вероятно, легче было заметить, и потому оно в ярких чертах объясняет нам закон органической смерти.

«По моему мнению, — заключает Н.Я. Данилевский, — всего проще было бы признать, по аналогии со смертью отдельных индивидуумов, что и вид имеет предел продолжительности своей жизни, после которого он слабеет, не возобновляется в должной мере размножением и, наконец вымирает, — а что внешние обстоятельства могут только ускорить этот естественный процесс,

точно также, впрочем, как и для индивидуумов. Ведь и особи, отдельные организмы, суть агрегаты живых элементов, *органитов*, соединённых под влиянием неизвестного нам морфологического принципа, которые в течение жизни несколько раз возобновляются круговращением вещества. Но если это возобновление живых элементов всё-таки не предотвращает (по совершенно неизвестной для нас причине) смерти всего организма, коего они, то есть органиты, суть живые, более или менее самостоятельные части, то, в сущности, нисколько не удивительно что наконец вымирает и вид, хотя составные части его, отдельные особи, от времени до времени и возобновляются размножением. Вообще, должно иметь в виду что тайна смерти нисколько не яснее тайны рождения, зачатия жизни, и думать иначе — значите совершенно напрасно себя обманывать» (ч. II, стр. 415).

Читатель может быть уже заметил что к этому таинственному морфологическому процессу приводят нас все рассуждения, с какой бы стороны мы ни брались за вопросы об изменениях в органической природе, Автор не разбирает этого понятия в отдельном и обстоятельном изложении, но он предполагал это сделать в следующих томах, в которых готовился, сверх других вопросов, говорить о палеонтологических формах организмов, об истории развития и о происхождении человека. Нельзя без глубокой печали подумать что мы навсегда лишились этих поучений. Теперь же, он только подводит нас к тому центральному понятию к которому всё тяготеет в науках органического мира. Это понятие поставлено им однако вполне определённо, и мы приведём здесь два важные места, которые к нему относятся.

«Мы видели, — говорит Н.Я. Данилевский, — что с положительно научной стороны невозможно признать ни существования незаметных переходов от видов к видам, ... ни их накопления, суммирования, а также исключения непригодного, по большей части промежуточного, путём естественного подбора... Всё это не может войти и в умозрительное построение органической природы. Что же, за исключением всего этого, может перейти в него из Дарвинова учения? Ничего более, кроме общей мысли, которую оно разделяет со многими другими учениями, мысли происхождения одних существ от других, то есть так называемого учения о нисхождении форм от форм (*Descendenzlehre*). Это учение, не доказанное путём положительной методы, а при теперешнем состоянии знаний и недоказуемое, по этому самому и неопровергаемо: то есть если никаким положительным фактом оно не подтверждается, то никаким прямо и не опровергается, а потому и может служить предметом для умозрения, если имеет на своей стороне некоторую достаточную степень вероятности. А

такую оно без сомнения имеет, ибо, какие-нибудь два вида животных или растений конечно ближе друг к другу чем к земле, глине, то есть вообще к неорганическому веществу, а потому и происхождение животных или растений друг от друга для нас гораздо представимее чем непосредственное их возникновение из неорганической природы, при каких бы то ни было условиях и обстоятельствах, каким-либо родом самопроизвольного зарождения. Здесь, по крайней мере, жизнь является нам данною, и мы не имеем надобности всякий раз обращаться к этому, постоянно искомому и никогда не обретаемому началу её. Насколько мы признаём трансмутацию, настолько избавляемся от признания самопроизвольного зарождения, а ведь и в том и в другом природа одинаково отказывает в данных нашим опытам и наблюдениям, и в последнем даже более чем в первом. Но принять, даже и предположительно, это нисхождение форм от форм можем мы только под условием чтоб оно ни в чём не противоречило положительным фактам, и потому не можем признать переходов рядом постепенных, почти не ощутимых оттенков. В нашем умозрении нам, поэтому, ничего не остаётся как прибегнуть к *скачкам от формы к форме*, настолько, по крайней мере, значительным чтобы, принимая по необходимости во внимание одни лишь морфологические признаки, мы могли бы считать их за формы или виды столь хорошо охарактеризованные, как ископаемые раковины и другие ископаемые животные с сохранившимися твёрдыми частями.

«Но для такой гипотезы мы не остаёмся без ближайших и без отдалённых аналогий. Примеры первых мы привели выше в Дюшеневой однолистной землянике, в нитчатой или плакучей биоте, которые произошли на глазах учёных садоводов... такие же примеры видим в Мошанских и Анконских овцах, в Ниатском рогатом скоте, хотя в этих случаях изменения вышли уродливые. Ещё сильную аналогию, хотя в ином роде, видим мы в тех случаях когда формы онтогенетической метаморфозы как бы получают преждевременную половую зрелость и самостоятельно размножаются, между тем как зрелая форма также имеет эту способность, так что можно сказать что два фазиса развитая становятся двумя самостоятельными видами, и притом столь отдалёнными что размещались иногда в различные отряды, или по крайней мере семейства. так, в Мексиканском озере живёт хвостатое лягушковидное животное — *аксолотль*, принадлежащее к отряду или семейству сиреновидных, то есть земноводных, всю жизнь сохраняющих жабры, тогда как тритоны и саламандры, также как и головастики лягушек, имеют их только в личинковом состоянии. Но, хотя аксолотли и способны к половому размножению и в этом состоянии наиболее известны, однако они

могут, при некоторых обстоятельствах, переходить в форму безжаберную, саламандровидную, и в этом состоянии известны под именем амблиостов, причислявшихся к другому подотряду, или даже отряду. Из низших животных можно бы привести несколько подобных примеров...

«Для филогенезиса не может быть аналогии более близкой чем онтогенезис, при коем, в процессах происходящих как во внешней для организмов природе (в метаморфозе насекомых, в явлениях перемежаемости поколений и пр.), так и внутри яйца, или в материнской утробе, одни определённые формы переходят в другие столь же определённые, и определённым же образом дополняются и замещаются. Этот процесс известен под именем *развития*». (Ч. II, стр. 508—510.)

Итак, вот вероятнейшая гипотеза и вот главные аналогии которые для неё существуют. Сущность этой гипотезы состоит в том что морфологический процесс, или развитие, есть процесс *внутренний*, никак не определяемый и не регулируемый внешними обстоятельствами, а совершающийся по некоторому закону присущему самим организмам. Но этого мало; в понятие о морфологическом процессе необходимо входит ещё другая существенная черта. Процесс этот не только внутренний, но и *разумный*, так как оказывается что в нём есть целесообразность, что он содержит в себе постановление целей.

«Мы видели, — говорит Н.Я. Данилевский, — что целесообразность и гармония органического мира не могли произойти путём подбора, уже по тому одному что всякое индивидуальное изменение должно исчезнуть чрез скрещивание. Если же предположить что такая особенность стала разом достоянием значительного числа особей, то этим самым особенность эта не будет уже индивидуальною, и тут не будет уже никакого подбора, а действие совершенно определённых причин, изменение по определённому плану. Если, наконец, эти изменения должны происходить крупными скачками, то они не могли бы оказаться приноровлёнными ко внутренним и внешним условиям их бытия иначе чем по определённому плану, в виду достижения известной цели. Только такую форму трансмутации, такую форму происхождения вида от вида позволяют нам принять, хотя всё же только гипотетически, данные положительной науки. Таким образом, если мы и признаём происхождение одних органических форм от других (в сущности по той же причине которая, по мнению Бэра, побудила к этому Анаксимандра), то мы заменим лишь целесообразность понимаемую статически (как ряд разумно предустановленных явлений, состоящих в цельных, готовых, взаимно

и с самими собою предсображённых формах) целесообразностью понимаемую динамически, то есть *целесообразным процессом развития*. Точно так как для постижения процесса онтогенетического образования органических форм, имеющего своим результатом целесообразно устроенное отдельное растение или животное, так и для постижения филогенетического процесса, имеющего своим результатом целесообразность и гармонию всего органического мира, нам ничего не остаётся как прибегнуть к идеальному, или точнее и определительнее, к *интеллектуальному началу*...

«За очевидную несостоятельность Дарвиновой псевдотеологии, необходимо принять телеологию настоящую, как верховный объяснительный принцип морфологических явлений или морфологического процесса». (Ч. II, стр. 526, 527.)

Итак, есть разум в природе, есть вокруг нас очевидные проявления интеллектуального начала. Мы пришли, таким образом, к самой высокой точке не только этого, но и всякого исследования. Присутствие разума ведь значить присутствие духовного, божественного начала, следовательно, подымаясь в эту область, мы восходим к самому источнику нашего бытия и знания. Поэтому справедливо говорит Н.Я. Данилевский что «вопрос решаемый дарвинизмом, неизмеримо важнее и всего имущества, и всех благ и жизни, не только каждого из нас в отдельности, но жизни всех нас и всего нашего потомства в совокупности». Ибо Дарвин пытался устранить разумность из мироздания; «а если устраняется разумность, то конечно и сам разум, как божественный, так и наш человеческий, устраняется, или является одним из частных случаев нелепости, бессмысленности, случайности, которые остаются истинными, единственными господами мира и природы» (ч. I, стр. 19).

Нет сомнения, однако, что попытки подобные Дарвиновой приведут нас только к тому что мы точнее и яснее будем видеть, в чём состоит настоящая телеология, в каких чертах природы следует признавать и созерцать творящий её разум, где нам искать Бога.

XII. Упадок научного духа и эстетического понимания.

Весь предшедший очерк книги Н.Я. Данилевского даёт понятие, как мы надеемся, о главной её мысли, о важнейших пунктах и о характере всего исследования. Но мы взяли из книги лишь *minimum* того что нужно для этой цели и опускали всё что можно опустить. Мы пропустили целые отделы,

стоившие вероятно наибольших трудов автору и важные для всестороннего обсуждения вопроса, но не поддающиеся краткому обзору. Таковы палеонтологические соображения, а также биографические и биостатистические изыскания, в которые автор пустился вслед за Дарвином и в которых дело касается распределения организмов в геологических слоях и на поверхности земли, отношений между обилием неделимых в данных видах и между обширностью родов к которым эти виды принадлежат и т. п. Мы опустили также все выводы основанные на исчислении вероятностей, выводы в сущности составляющие очевидно ясные и ничем неопровержимые аргументы против Дарвина. Мы с особенным сожалением опустили и многие остроумный и яркие доказательства, сила которых могла бы удержаться в памяти каждого.

Скажем одно: для внимательного читателя этой книги станет совершенно несомненно что от Дарвиновой теории нужно отказаться безо всякого остатка, что вопрос ею разрешаемый требует совершенно других исходных точек и других приёмов. Эта отрицательная задача, эта критика теории *по её существу* вполне здесь окончена; последующие тома которые предполагал написать автор, неожиданно умерший в полном цвете сил, уже не содержали бы критики теории, а только показывали бы что существо теории не объемлет тех или других факторов вопроса, и останавливались бы на этих факторах. Итак, мы имеем пред собою нечто целое, к которому, по словам самого автора, «всё последующее относилось бы как дополнение». (Ч. I, стр. 44.)

С появлением этого сочинения отношения учёного мира и серьёзных читателей к дарвинизму должны непременно измениться. Кто не читал книги Н.Я. Данилевского, тому теперь решительно нельзя давать права говорить о знаменитой теории; а кто читал и вник в дело, тот с изумлением увидит что писания её сторонников, начиная с самого основателя Дарвина и кончая последними продолжателями, представляют так мало строгости мысли, такая прорехи и недосмотры что явным образом расходятся по всем швам. Ослепление у последователей конечно гораздо больше чем у творца теории, и странно видеть как в этом ослеплении соединяется то что не имеет никакой связи, и признается за непреложный вывод то что в сущности не даёт никакого заключения.

Но как же это возможно? Как могло случиться что какой-то мираж обманул и продолжает обманывать огромное большинство учёного мира и образованных людей? Разгадка, без сомнения, заключается *в духе времени* и в том свойстве человека по которому мы верим всему чему нам хочется

верить. Девятнадцатый век в первые свои десятилетия представлял изумительно высокий подъём мысли, науки и поэзии; но к середине века неожиданно и круто обнаружился упадок этих блистательных усилий ума и чувства, как будто волна, взбежавшая на высоту, снова опустилась и даже ниже прежнего. Тогда приобрели силу учения теоретического и практического материализма; тогда из Англии, классической страны скептицизма, утилитаризма и всяких низменных понятий, стали распространяться эти направления в умственном мире Европы. Но ни одно из учений не было встречено с таким восторгом, как теория Дарвина, очевидно потому что она распутывала самый трудный узел, разрешила ту загадку которая не поддавалась низменным понятиям и стояла пред умами огромным сфинксом.

Самого Дарвина, конечно, всего меньше можно винить. Н.Я. Данилевский, указывая на чисто английские свойства теории, отдаёт однако же всю справедливость её творцу. Он признает за ним «обширный и светлый ум», называет его «тонким наблюдателем, искусным экспериментатором, остроумным комбинатором» (ч. II, 477), удивляется его громадной эрудиции и самую его теорию считает «великим произведением человеческого ума» (ч. I, 24). Наконец, он говорит: «Кто прочёл и изучил сочинения Дарвина, тот может усомниться в чём угодно, только не в его глубокой искренности и не в возвышенном благородстве его души» (ч. I, стр. 11).

Итак, Дарвин не виноват. Но удивительно то что его учение не встретило надлежащего отпора в учёном мире; что строгий научный дух в котором воспитывалось столько поколений натуралистов вдруг оказался до такой степени слабым пред соблазнительной ясностью новой теории. Очевидно, есть какой-то порок в нашем просвещении, и самые положительные и твёрдые науки не застрахованы от величайших колебаний.

Заметим, однако, что наука, чистая наука, в отношении к Дарвину, заявила своё отрицание. Н.Я. Данилевский пишет об этом так:

«Если указанные мною ошибки его столь очевидны, то как не их доселе не заметили? Это последнее обстоятельство было бы действительно необъяснимо если бы существовало. Но многие из этих ошибок были замечены разными учёными, и к числу их принадлежат *самые замечательные умы* нашего времени из числа посвятивших себя естествознанию. Первым назову я великого натуралиста-философа Бэра; за ним, замечательнейших из учеников Кювье: Агасиса и Мильн-Эдвардса; далее — знаменитейшего сравнительного анатома Овена, знаменитых палеонтологов, мнение которых имеет особенную важность в этом вопросе,

Броньяра, Гэпперта, Бронна, Барранда; потом фитогеографа Гризебаха, ботаников Декена, Виганда, знаменитейшего из современнѣх гистологов Кэлликера, физиолога Флуранса, зоологов Катрфажа, Бурмейстера, Бланшара. В противниках, видевших и указывавших на ошибки Дарвина, недостатка, значить, не было. Но должно сознаться что голос их был подобен гласу вопиющему в пустыне» (ч. II, стр. 479).

Итак, благодаря Гуттенбергову изобретению и всем чудесам новейших способов сообщения и освещения, не истина восторжествовала, а разлилось повсюду несомненное заблуждение. Необходимо нам, значит, ещё что-то другое, нужна какая-то опора для самих наук, для того чтобы научный дух, в котором иные видят всё спасение человечества, не изменял нам столь жестоким образом.

Опора для ума может быть только в чувстве. Только чувство открывает нам высшую сторону вещей, и потому может охранить нас от путей ведущих в хаос и потѣмки. В область такого руководительного чувства мы включаем и те душевные движения которые возбуждает в нас всякая красота, потому что в красоте пред нами являются разум и благодѣть присущие природе; это — разум видимый и благодѣть созерцаемая. Поэтому, Н.Я. Данилевский превосходно и глубокомысленно заключает свою книгу тем замечанием что «изо всех мировоззрений Дарвинов взгляд на природу есть *наименее эстетический*». Выпишем эту удивительную страницу.

«Каким Жалким, мизерным представляются наш мир и мы сами, в коих вся стройность, вся гармония, весь порядок, вся разумность являются лишь частным случаем бессмысленного и нелепого; всякая красота — случайною частностью безобразия; всякое добро — прямою непоследовательностью во всеобщей борьбе, и *космос* — только случайным, частным исключением из бродящего *хаоса*. Подбор — это печать бессмысленности и абсурда напечатлѣнная на челе мироздания, ибо это — замена разума случайностью. Никакая форма грубѣйшего материализма не спускалась до такого низменного мирозерцания; по крайней мере, ни у одной не хватало на это последовательности. Они останавливались и не смели или не умели идти далее по единственному впрочем им открытому пути, ибо, повторяю, эта честь должна быть оставлена за дарвинизмом, что претендуя объяснить одну частность: происхождение и гармонию органического мира, хотя и безмерно важную, но всё-таки частность, он в сущности заключает в себе целое мировоззрение.

«Шиллер в великолепном стихотворении *«Покрывало Изиды»* заставляет юношу дерзнувшего приподнять покрывало, скрывающее лик истины, упасть мёртвым к ногам её. Если лик истины носил на себе черты философии случайности, если несчастный юноша прочёл на нём роковые слова: *естественный подбор*, то он пал поражённый не ужасом пред грозным её величием, а должен был умереть от тошноты и омерзения перевернувших все его внутренности при виде гнусных и отвратительных черт её мизерной фигуры. Такова должна быть и судьба человечества если *это — истина*» (ч. II, стр. 529—530).

Вот образчик того Живого и прекрасного чувства которое внушило и одушевляет собою книгу наполненную специальными подробностями.

Мы были бы счастливы если бы после этого разбора читатели хотя отчасти разделили ваше убеждение что эта книга есть истинный подвиг русского ума и русского чувства. По огромному обилию фактов превосходство сгруппированных, по неотразимой логике, по чрезвычайному остроумию, по чисто научной строгости и полноте в постановке вопросов, труд Н.Я. Данилевского нужно причислить к самым редким явлениям во всемирной печати. Можно смело сказать что эта книга составляет честь русской учёной литературы, что она надолго свяжет имя автора с важнейшим и глубочайшим вопросом естествознания, и что с борьбою против одного из характернейших и распространёнейших заблуждений нашего века, с опровержением теории естественного подбора, имя Н.Я. Данилевского должно быть связано уже навсегда.

9 декабря 1886 года.